

ДРУГИЕ
МИРЫ

Ирина Котова

КОРОЛЕВСКАЯ
КРОВЬ

СВЯЗАННЫЕ СУДЬБЫ

Они живут в разных концах мира. Владыка Песков Нории пытается вернуть к жизни свои земли, ставшие пустыней пятьсот лет назад. Принцесса Ангелина хочет вернуться домой, сбежав от похитивших ее драконов. Люк Кембритч ведет напряженное расследование, желая найти тех, кто методично убивает родственников правящей семьи в Инляндии. Королева Василина занимается государственными делами, принцесса Полина готовится к свадьбе, а принцесса Марина работает в больнице и пытается справиться с чувствами к чужому жениху...

Казалось бы, такие разные судьбы. Но все они связаны, все сплетаются в причудливый узор. Тонкая паутина связанных судеб опутывает собой весь мир. И никто не знает, что впереди у каждого из них – темное время... Которое только начинается.

Четвертая книга серии "Королевская кровь".

Ирина Котова

Королевская кровь. Связанные судьбы

*Начало ноября, столица Инляндии Лаунвайт
Королевская лечебница*

Люк Кембритч

Истошно запищала противопожарная сигнализация, и в коридоре послышался топот множества ног. Персонал метался туда-сюда, проверяя палаты.

Люк ухмыльнулся и выпустил табачный дым в приоткрытое окно. Еще есть время, пока доберутся до него. Кто может подумать на пациента, которого поместили в лучшую палату лечебницы по распоряжению его величества Луциуса? И к которому – невиданное дело! – король приходил лично, проводя виталистические сеансы? Поэтому неудивительно, что лорд со страшным шрамом на животе уже к концу недели был вполне бодр и требователен. И чуть ли не швырялся в медбратьев тарелками с овсянкой и овощными бульончиками, сопровождая каждый прием пищи язвительными комментариями. Продолжалось это до тех пор, пока к нему не приставили опытную и языкастую медсестру Магду Ронфрид – она спокойно выносила его вспышки раздражения и легко вступала в иронические пикировки. В свои пятьдесят лет Магда повидала пациентов и похуже; кроме того, бедный лорд был прав – меню ему предлагали отвратительное.

С утра Люка навестил младший братец, Бернارد, который к своим двадцати годам вдруг пошел в рост, обзавелся широкими плечами, басом и отрастил бородку. То ли военное училище действительно делает писклявых и нервных юнцов мужчинами, то ли начали сказываться гены Кембритчей. Во всяком случае, сейчас Берни куда больше походил на отца, чем сам Люк. Вот только черные волосы всем младшим Кембритчам достались от матери.

Разговор получался сухим и неловким, до тех пор пока скучающий виконт словно невзначай не спросил у брата, чем он развлекается в увольнениях. Пьянки? Женщины? Скачки? Или продолжает оставаться пай-мальчиком, тайком покуривающим на чердаке имения?

Братец легко повелся на провокацию – возмутился, оживился, и дальше они уже болтали как старые друзья. А под конец малыш Берни расщедрился и оставил ему полупустую пачку сигарет и зажигалку. И немного наличности, извинившись, что не подумал и не взял с собой больше купюр.

«Все-таки наличие родственников иногда полезно и даже приятно», – думал Люк, лаская взглядом призывно поблескивающую мятой целлофановой упаковкой красную пачку, пока братец прощался и уходил. Милый, милый Берни!

Он не торопился, ходил вокруг пачки, как выученная такса возле кроличьей норы, крутил тонкую сигарету, остро и сладко пахнущую табаком, нюхал ее, наконец прислонился к стене, открыл окно и закурил. И чуть не застонал от наслаждения и мгновенно ударившей в голову и ноги приятной слабости.

Расположенная на потолке сигналка отчаянно мигала красным, топот становился все ближе. В палату заглянула раскрасневшаяся Магда, посмотрела на пациента укоризненно – Люк сделал непонимающий вид – и крикнула зычно в коридор:

– Я все проверила, ложная тревога! Вырубай скорее этот вой!

Сигнализация пикинула еще пару раз и затихла. Наступившая звонкая тишина показалась блаженной.

– Как у вас шумно, – светским тоном произнес виконт, делая затяжку. – Никакого покоя бедным больным.

– А вы негодник, лорд, – сурово сказала медсестра, приближаясь. – Отдайте мне эту гадость!

– Не отдам, – капризно заявил Люк, поспешно затягиваясь снова. – Магда, давайте поторгуемся. Я отдаю вам свой титул и имение, а вы мне оставляете эти семь сигарет.

Медсестра смешливо покачала головой.

– Упаси боги, я еще в своем уме. Вон вы какой тонкий да нервный. С этими титулами разве проживешь жизнь спокойно? Да на вас смотреть невозможно! Та-ак, давайте-ка проветрим тут все хорошенько, – и она, не делая более попыток отобрать сигарету у расслабившегося нарушителя, распахнула вторую створку окна. Сразу стало зябко – в палату медленно вливался густой лаунвайтский туман.

– Вот, вы тоже заметили, – грустно сказал Кембритч. – И я заметил. С утра глянул в зеркало и испугался.

– Чего же? – привычно откликнулась женщина, ловко заправляя кровать.

– Непривычно здорового цвета лица, – поделился Люк, понизив голос. – Эти блестящие глаза, этот румянец. Действительно невозможно смотреть! Я привык к серой коже и мешкам под глазами. Видите, – он помахал сигаретой, – возвращаю себе пристойный вид. Довели вы меня своими кашками. И когда меня выпишут?

– Увы, – Магда взяла швабру, погрохотала чем-то в ванной, вышла уже с мокрой тряпкой и стала протирать полы. – Над вами дрожит весь административный состав лечебницы. Поэтому пока не станет очевидно, что вы не свалитесь с внутренним кровотечением, едва выйдя за порог, не выпишут.

– Магда, – проникновенно сказал Люк, – помогите мне сбежать. Я вас расцелую.

– Выдумщик вы, виконт, – грозно сказала медсестра.

– И женюсь, – пообещал Кембритч настойчиво. – Только подышу недельку свободой и сразу поведу вас под венец.

Медсестра скептически глянула на него и наклонилась – вымыть под кроватью.

– А что? – продолжал Люк. – Женщина вы видная, хозяйственная, суровая. Сможете держать меня железной рукой. Станете кормить кашкой, обещаю, буду покорен, как младенец. Курить брошу, – ехидно добавил он, посмотрел на окурочек в пальцах и выкинул его за окно.

– Так я замужем, лорд, – пропыхтела женщина из-за кровати. – Разводиться не буду, и не умоляйте. Выдумали тоже.

– Вот невезение, – огорчился Кембритч. – Не вести мне здоровый образ жизни. Пропаду ведь без вас, Магда. Так, говорите, поможете мне сбежать-то?

– Вы мне зубы не заговаривайте, – отрезала медсестра, разгибаясь. – Хотите убежать – так я вам ни за что не скажу, что сегодня ночью дежурит Нидденс, а он глуховат и на дежурство без бутылки не выходит. И выход на черную лестницу не проверяйте, он точно-точно закрыт будет. Но если помрете, то я приду к вам на могилку и назову дурнем.

– Точно не разведетесь? – льстиво переспросил Люк. – Вы уникальная женщина! Я вас уже три дня люблю.

– Да будь я хоть на десяток лет моложе, – женщина махнула тряпкой, оценивающе

оглядела сухошавую и высокую фигуру собеседника. – А впрочем, и тогда бы не развелась. Глаза у вас, лорд, вы извините, конечно, как у кошки блудливого. Мне мой домашний спаниель роднее. Уж точно не буду гадать, с кем он из соседских кошек ночью на улице гулял. Люк сокрушенно улыбнулся, и медсестра погрозила ему пальцем.

После обеда и процедур – врач УЗИ только удовлетворенно хмыкал, глядя на снимки брюшной полости, пока Люк, измазанный холодным гелем, терпеливо лежал на кушетке и поглядывал в потолок, – к Кембритчу заглянул посол Рудлога в Инляндии, Степан Иванович Хорошевский. Степан Иванович был кругл, бульдогообразен и фразы ронял весомые, медленные. На неожиданно свалившегося ему в штат еще одного помощника он глядел с плохо скрываемым недоумением. Впрочем, с ним Люк был сама кротость.

– Я завтра отбываю на церемонию вашего награждения, – вещал Хорошевский, степенно усаживаясь на хлипкий больничный стульчик. – Вы можете написать речь со словами благодарности, Кембритч, я зачитаю королеве.

– Вы так добры, – вежливо сказал Люк, – так заботитесь о сотрудниках. Но, Степан Иванович, разве не будет неуважением к ее величеству, если я, совершенно оправившийся после ранения, пренебрегу ее приглашением?

Посол нахмурился, обдумывая информацию.

– Здешние врачи – перестраховщики, – доверительно продолжал Люк, – и я ни в коем случае не хочу нарушать режим, но и огорчать ее величество повторно не желаю. Вы же знаете об инциденте на посольской встрече? – Он, словно волнуясь, сжал руки, и Степан Иванович холодно кивнул. – Я был не в себе и мне нет прощения, но королева была так добра, что позволила мне просить у нее извинения на своем дне рождения. Я не успел, увы.

– К чему вы клоните, Кембритч? – медленно, раскатывая слова, поинтересовался Хорошевский.

– Я прошу вас взять меня в сопровождение завтра, – сказал Люк, – а после церемонии, обещаю, я вернусь в больницу. Меня не будет несколько часов. Но я смогу наконец-то извиниться и принять награду. Что вы думаете, Степан Иванович?

– Ладно, – произнес посол после долгих раздумий. – Но вы будете должны мне услугу, виконт. Я уйду через телепорт завтра в пять вечера. Будьте в посольстве в это время.

– Благодарю вас за понимание, – с жаром сказал Люк и постарался, чтобы вся его фигура выражала безграничное обожание и благодарность.

Около одиннадцати вечера в столичный дом Кембритчей постучался человек. Одет он был совсем не по погоде – на улице моросил холодный вязкий дождик, а мужчина нетерпеливо переступал ногами в слишком больших промокших тапочках, поправлял странный плащ, больше похожий на больничный коричневый халат, из-под которого виднелись светлые пижамные брюки.

Пришлось идти почти два квартала пешком, прежде чем удалось поймать такси. И хорошо, что по пути не попался какой-нибудь журналистик, иначе вся Инляндия завтра бы обсуждала шокирующие заголовки утренних газет.

Поздний гость чертыхнулся, постучал еще раз дверным молоточком, достал из широкого кармана телефон и начал искать нужный номер. Но звонить не понадобилось – дверь открылась, и невозмутимый дряхлый дворецкий произнес величаво:

– Добро пожаловать, молодой лорд. Ваша матушка уже несколько раз спрашивала о вас.

Люк покрутил замерзшим носом и усмехнулся – для старого Уолдред, работающего у матери сколько виконт себя помнил, и графиня Кембритч все еще была «молодой леди».

Уолдред принял у Люка промокший халат, аккуратно перекинул его через руку, предложил сухие туфли.

– Нет-нет, – сказал беглый виконт, – мне сейчас нужно переодеться, я промок насквозь. И распорядитесь принести мне чего-нибудь согревающего, Уолдред.

– Ваши покои протоплены, там вас ждут одежда и кувшин превосходного грога, – не обращая внимания на мокрые следы от носков лорда, сообщил дворецкий. – Ужин подавать в комнаты?

– Нет, – отозвался Люк уже с лестницы, под невозмутимым взглядом старика снимая через голову пижамную кофту, – если мать еще не спит, я хочу пообщаться с ней за ужином. И да, Уолдред, за мной могут гнаться полчища врагов. Если будут ломиться в дверь, вы меня не видели.

– Я и так вас почти не вижу, лорд, да и слышу, надо признаться, с трудом, – сухо ответил дворецкий и удалился в сторону кухни. Люк улыбнулся – старик все сделает как надо.

Через полчаса переодетый к позднему ужину и хорошо разогревшийся грогом виконт Кембритч – пил он не без настороженности, памятуя о своем ранении, но организм воспринял алкоголь как давнего знакомого, – сидел с матерью за большим столом в столовой, окрашенной в яркие летние цвета, с плотно задернутыми занавесками, и с наслаждением ел. Немного, растягивая удовольствие – не хотелось бы, чтобы его задумка провалилась из-за взбунтовавшегося желудка.

Леди Шарлотта смотрела на сына с беспокойством. Люк позвонил днем, сообщил о готовящемся побеге и попросил не волноваться. Но она все равно волновалась. И радовалась тому, что беспокойный отпрыск дома.

– Луциус будет в ярости, – сказала графиня в конце ужина, аккуратно подцепляя ложечкой кусочек пудинга.

– Переживу, – легко отмахнулся Кембритч, откидываясь на спинку стула. – Ты купила то, что я просил?

– Купила, – строго произнесла леди Шарлотта, – и это было нелегко, поверь мне. Единственный питомник находится в области, и чудо, что мы успели добраться туда до закрытия. Зачем это тебе, сынок?

– Подарок хочу сделать, – сообщил Люк внимательно наблюдающей за ним матери. – Потом расскажу, мам. Ну не смотри на меня так. Мне сразу хочется все выболтать. Где они, кстати?

– Спят, слава богам, – устало ответила графиня Кембритч. – Как маленькие дети – всего несколько часов в доме, и он почти разрушен.

– Завтра избавлю тебя от этих чудовищ, – рассмеялся Люк, вставая. – Мам, спасибо тебе. Пойду я спать.

– Спокойной ночи, сынок, – сказала леди Кембритч, провожая взглядом сухощавую фигуру сына.

4 ноября, пятница, Иоаннесбург

Церемония награждения проходила в том же зале, что и памятная посольская встреча, и Люк, заходя в помещение вслед за Тандаджи, едва заметно поморщился, глядя на сияющий

бронзой пол, – слишком хорошо помнил, как выглядела на нем его кровь. И красные следы на этих высоких белых дверях, которые он оставил, когда его шатнуло и понадобилось обо что-то опереться.

Тихо играл маленький оркестр, сияли огни изящных, напоминающих золоченые птичьи гнезда светильников под потолком, в несколько рядов стояли полукругом обитые красным бархатом кресла перед королевской ложей, и столики для фуршета были уже накрыты. Никаких журналистов и камер. Тайное чествование тайных героев. А как иначе? Во всех странах так. Если сообщать обо всех попытках покушения на глав государств, то народ будет находиться в состоянии постоянной паники.

– Как ты вообще додумался притащить их в Управление? – сухо спросил Тандаджи, пока помощник церемониймейстера провожал гостей к местам на первом ряду, у самого края.

– Прости, мой добрый бывший начальник, – покаянно-ехидным голосом произнес Люк, усаживаясь, – я знал, что ты меня любишь и не сможешь отказать. Знаешь, какими глазами на меня смотрел начальник нынешний, когда я пришел в посольство в сопровождении слуг с переносками?

– Тебя я терплю, – холодно возразил Майло, – а люблю я собак. – Тидусс почему-то глянул на свою ладонь и продолжил: – Как выдрессировал, так и ведут себя. Никакой импровизации или суицидальных наклонностей.

По проходу между креслами уже шли другие приглашенные. Люк сразу обратил внимание на роскошную смуглую женщину с очень «вкусной» фигурой. И только когда она обернулась, узнал придворного мага Инландеров, леди Викторию. Двое ее спутников о чем-то переговаривались. Одним, очевидно, был ректор МагУниверситета Александр Свицерский, с которым Люк раньше не встречался. А вторым – барон фон Съедентент.

Барон бросил на него мимолетный взгляд и насмешливо склонил голову. Люк вежливо искривил губы в ответном приветствии. Журчащая легкая музыка вдруг стала раздражать.

Маги расположились на противоположном краю первого ряда, и достаточно было чуть повернуться, чтобы их увидеть. Но Люк не смотрел. Он слушал.

– Александр Данилыч, здравствуйте! – тяжеловатый молодой басок, смущенный и радостный одновременно.

– Ситников, Поляна. Рад вас видеть в добром здравии, – спокойный и немного снисходительный голос ректора. – Я смотрю, вы можете выглядеть прилично.

– Костюмы напрокат взяли, – буркнул второй голос. – А где лорд Тротт? Я думал, он тоже будет.

– Профессор все еще восстанавливается, – объяснил ректор, – ему не до орденов.

В наступившей тишине – оркестр взял небольшую паузу – отчетливо было слышно, как фыркнул блакориец.

– О, и вы здесь, – раздался тот же басок рядом с Люком, и он поднял голову. Рядом стояла несчастная жертва Алмазовой практики, Дмитро Поляна. В костюме он был совсем не похож на того раздолбая в шортах, которого Люк видел в общежитии МагУниверситета.

Они пожали друг другу руки.

– А это Матвей Ситников, – сказал Дмитрий, – мой друг и одноклассник.

Огромный бритоголовый парень тоже протянул Кембритчу свою лапищу.

– А это начальник разведуправления, – в тон семикурснику ответил Люк, – подполковник Майло Тандаджи.

– Очень приятно, – нервно произнес студент и под строгим взглядом тидусса вытянулся,

расправил плечи, как по команде «смирно».

– Мне тоже, – небрежно ответил Тандаджи, оценивающе рассматривая Поляну. – Садитесь, господа.

– Зачем детей пугаешь? – тихо и укоризненно спросил виконт, пока семикурсники шумно и неловко усаживались в кресла. Ситников с трудом уместился в нем и теперь пытался справиться с торчащими локтями.

– Затем, – коротко ответил подполковник с совершенно каменным выражением на лице. Оглянувшись, встал – к ним подходил Игорь Иванович Стрелковский. Высокий и статный, он вез перед собой в инвалидной коляске бледную женщину с темно-синими глазами и шрамом на бритой голове.

– Люджина, – с удивительной мягкостью произнес Тандаджи, подождав, пока Люк и Игорь Иванович обменяются рукопожатием, – я рад, что вы нашли в себе силы быть здесь. Ваша награда заслужена. Люк, – Кембритч тоже встал, – позволь представить тебе сотрудницу Управления, капитана Дробжек. Капитан, это наш бывший сотрудник, лорд Лукас Кембритч.

Виконт поклонился.

– Как жаль, что я больше не работаю, – галантно сказал он. – Всегда имел слабость к сильным женщинам.

Люджина чуть покраснела и кивнула.

Малый зал постепенно заполнялся: рассаживались по задним рядам сотрудники охраны и гвардейцы, помощники церемониймейстера тихо рассказывали о порядке награждения, играла музыка, с дальних кресел доносился оживленный голос блакорийского мага, что-то весело рассказывающего коллегам. А Люк смотрел на королевскую ложу – небольшое возвышение с одной ступенькой, малый трон на фоне взлетающего сокола Рудлогов, четыре кресла рядом с ним – по два с каждой стороны, и вытянувшиеся гвардейцы, застывшие в карауле. И ждал, ощущая неприятное тянущее чувство где-то под кадыком.

И дождался. Зазвучали фанфары, и церемониймейстер объявил хорошо поставленным голосом:

– Ее королевское величество Василина-Иоанна Рудлог! Прошу всех встать!

Зал поднялся. В боковую дверь вошла маленькая королева, сопровождаемая мужем, улыбнулась присутствующим, прошла к трону, но осталась стоять.

– Его высочество принц-консорт Мариан Байдек! Ее высочество принцесса Марина-Иоанна Рудлог! Ее Высочество Полина-Иоанна... Ее Высочество Алина-Иоанна!

Марина. Тонкая, с огромными голубыми глазами, одетая в строгое светлое платье, с прямыми плечами и короткими волосами, она скользнула по гостям взглядом, сдержанно кивнула кому-то. Не ему.

Принцесса поднималась на возвышение, а Люк смотрел на этот затылок и ровную спину и вспоминал совсем другое платье. И ночь над Иоаннесбургом.

И только когда она повернулась, чтобы встать рядом с королевой, он отвел взгляд.

– Дамы и господа, – произнесла Василина, подождав, пока три ее сестры встанут рядом, – сегодня дом Рудлог собрал вас, чтобы выразить свою признательность и благодарность. Ваши заслуги неоценимы. Мы склоняем голову перед вашим мужеством и самоотверженностью. Но прежде чем мы сядем, прошу вас почтить память погибших при исполнении.

Потускнели светильники, оставив зал в полумраке. В наступившей тишине гулко и громко ударил барабан, отмеряя удары, словно последние секунды перед смертью. Тонко и высоко запела скрипка, и люди в зале склонили головы, слушая Песнь ушедших. Тревожным перебором вступил пианист, отчаянно пытаясь нагнать ускользающий мир, а заполняющая все окружающее пространство мелодия возносилась все выше и становилась громче, оглушая, сбивая дыхание, ускоряясь, пока не оборвалась внезапно... и не началась заново, торжественно, светло, почти радостно – маршем уходящих за грань, последним их «спасибо» этому миру.

Когда наступила тишина и зажегся свет, люди стали тяжело опускаться в кресла. Люк никогда не был сентиментальным, но и его проняло. Наверное, потому что этот марш мог звучать и в его честь.

Королева стояла прямо, но глаза ее были полны слез.

Байдек аккуратно прикоснулся к ней, что-то тихо сказал, и она благодарно кивнула.

– Спасибо, – произнесла ее величество чуть хрипло. – Время для памяти. Первыми мы вручим награды родным погибших героев.

– Для вручения награды приглашается мать рядового Стрижина! – зычно объявил церемониймейстер.

Люка отпустило. Королева что-то говорила выцветшей и очень усталой пожилой женщине, взяла ее руку, поднесла к губам и поцеловала – по похоронному обычаю, в знак смирения и ничтожности всего остального перед ее горем. Так было всегда, если дети уходили раньше родителей – провожающие в последний путь целовали руки матери, кланялись отцу.

Королева вложила в ладонь Стрижиной раскрытую коробочку с посмертной наградой ее сыну. Вся королевская семья склонила головы.

Церемония продолжалась. Принцессы сидели в креслах своей ложи, королевская чета вручала награды. Награждали гвардейцев, присутствовавших в зале на дне рождения королевы, и для каждого у ее величества находилось несколько ласковых слов. Награждали бойцов спецназа за неведомую операцию – ордена вручала спустившаяся с ложи принцесса Полина. Люк повернулся к Тандаджи, чтобы задать вопрос, за что, и тот, почти не разжимая губ, буркнул:

– Секретно.

Кембритч понимающе хмыкнул.

– Полковник Игорь Иванович Стрелковский и капитан Люджина Дробжек! – торжественно провозгласил церемониймейстер.

Стрелковский встал, взялся за ручки коляски, в которой сидела его помощница, и вывез ее к трону. Четвертая Рудлог спустилась к ним, приколотла награды, поинтересовалась самочувствием Люджины, тихо произнесла «спасибо» и пожелала ей скорейшего выздоровления.

– Полковник, – заговорила Василина, и Игорь поднял на нее взгляд, – это не все. Мы разбирали проекты указов моей матери. И сейчас я выполняю ее волю. За многолетнюю верную службу короне вам присваивается графский титул и отдается в наследуемое владение земля имения Рыбацкое, что находится севернее Иоаннесбурга. Владейте и процветайте, граф Стрелковский.

Полковник Игорь Стрелковский

Люк посмотрел на Марину – она за один удар сердца царапнула его прямым взглядом светло-голубых глаз и тут же отвернулась, напряглась, чуть дернув губами.

– Это большая честь для меня, ваше величество, – сипловато сказал Игорь Иванович, поклонился, как-то неловко развернул коляску и повез напарницу к своему месту.

– Подполковник Майло Тандаджи! Награду вручает ее величество Василина-Иоанна!

– За верность семье и тяжелую результативную работу вы награждаетесь повышением звания и орденом третьей степени. Поздравляю вас, полковник.

– Благодарю, ваше величество, – вежливо ответил начальник разведуправления, после того как королева прикрепила орден. Люк ухмыльнулся – к наградам Тандаджи был так же равнодушен, как к мольбам сотрудников о внеурочном отпуске.

– Матвей Алексеевич Ситников! Награду вручает ее высочество Алина-Иоанна!

Красная от смущения принцесса, встав на цыпочки, усердно прикручивала орден к лацкану пиджака такого же красного парня. Долго, неловко, пока награждаемый не поднял свою ручищу и не помог ей, осторожно и аккуратно.

– Дмитрий Лаврентьевич Поляна! Награду вручает ее высочество Алина-Иоанна!

То ли младшая из присутствующих Рудлогов приноровилась, то ли рост был поудобнее, но справилась она куда быстрее. И не краснела так.

– Матвей Алексеевич, Дмитрий Лаврентьевич, – мягко сказала Василина оставшимся стоять перед ней парням, – за вашу смелость вам дается право выбрать после окончания университета любую военную часть для прохождения службы, если вы решите связать свою жизнь с армией. Буду рада приветствовать вас в Королевском гвардейском корпусе.

Студенты дружно и почти изящно поклонились и поспешили к своим местам. Лица у них были задумчивые.

– Барон Мартин фон Съедентент! Награду вручает ее величество Василина-Иоанна!

Марина легко улыбнулась блакорийцу из-за спины королевы и чуть расслабилась. Щека ее, обращенная к Люку, чуть порозовела, совсем немного.

– Лорд Александр Данилович Свидерский!

– Леди Виктория Лыськова!

– Виконт Лукас Бенедикт Кембритч!

Снова короткий выстрел голубых глаз, и Люк встал, прошел по зеркальному мрамору к ожидающей его королеве. Поймал хмурый взгляд Байдека. И опустился на колени, слыша за спиной потрясенные вздохи.

– Ваше величество, – сказал он хрипло, чувствуя себя совершенно по-дурацки, – я недостоин этой награды. Прошу только принять мои извинения и не отказывать мне в вашей милости.

Василина смотрела на него спокойно и холодно.

– И я прошу принять от меня подарок в знак моей преданности вашей семье, – продолжил виконт, так и не дождавшись ответа.

Прошло несколько звенящих мгновений – он вдруг остро ощутил недоумение людей, сухое раздражение Тандаджи, непонятное сочувствие от проклятого блакорийца и волну злости оттуда, где сидела Марина, – когда лицо королевы смягчилось.

– Я не сержусь на вас, виконт, – сказала она мягко, – встаньте.

– Так вы позволите? – спросил Люк, и государыня кивнула.

Кембритч обернулся, и ожидающий его знака гвардеец открыл дверь, что-то сказал в коридор. Вошли слуги с большими сумками-переносками в руках, присутствующие в зале начали оглядываться, ее величество смотрела на все это с недоумением. А вот Байдек – с интересом.

Сумки поставили у ног Люка, и виконт открыл одну из них, достал здоровенного, пушистого белого щенка, толстолапого и пузатого. Кто-то тихо ахнул – кажется, младшая Рудлог.

Щенок спал, расслабленно растопылив лапы, и морда его с опущенными длинными и мягкими ушами напоминала игрушечную. Только игрушечка была уже размером с трехлетнего ребенка.

– Это горная блакорийская собака, – пояснил Люк королеве, смотрящей на него с недоверием и какой-то веселостью в глазах, – самый верный охранник и друг. Двое щенков для ваших сыновей, моя госпожа. Они легко поддаются дрессировке, хорошо чувствуют хозяев и могут найти их в любой части света. В Блакории этих собак используют для обнаружения нежити и охраны кладбищ. Они великолепные бойцы. И вырастают размером с небольшого пони. Их даже запрягают в детские повозки, да и верхом можно кататься.

Королева едва заметно улыбнулась, видимо, представив сыновей верхом на лохматых собачищах. Подошел Байдек, нарушая этикет, взял из рук Кембритча щенка, придирчиво рассмотрел его, подняв перед собой.

– Почему он спит? – поинтересовался консорт.

– Иначе бы испугался телепорта, – ответил Люк. – Это ошейник. Снимите, и пес проснется.

Он наклонился, достал второго, погладил по пушистой спине и протянул ее величеству. Василина с сомнением взяла щенка, обхватив, как ребенка, и принялась к нему.

– Ну что же, – с легкой иронией сказала она, – как не принять такое чудо. Благодарю вас, виконт. Вы нас порадовали.

Люк поклонился, развернулся, направляясь к своему месту.

– Ваше величество, сестра моя, – прозвучал сдержанный голос принцессы Марины, когда Люк уже подходил к креслам, – и все же несправедливо оставлять виконта Кембритча без заслуженной награды. Позвольте мне помочь вам... пока у вас заняты руки.

Он оглянулся с веселым изумлением. Марина, не глядя на него, спускалась с подиума – очень спокойная, будто так и надо. Слово просто хотела помочь своей государыне.

– Конечно, благодарю вас, сестра моя, – ровно и с признательностью ответила королева. К ней и принцу-консарту уже спешили слуги, чтобы забрать сопящие подарки в детскую, и Василина глядела на только что покаявшегося виконта как-то задумчиво. И оценивающе. Чуть ли не качая головой.

– Что за представление вы устроили? – приятно и любезно улыбаясь, очень тихо и зло спросила принцесса Марина, подходя к Люку. И потянулась к его груди, сжимая в пальцах орден – красного сокола на блестящем кресте цветка шиповника.

– Я очень виноват перед вами, – сказал Кембритч едва слышно, выражая на лице соответствующую моменту торжественность и смирение. Присутствующие в зале молчали, получив впечатлений на неделю вперед. А он чуть-чуть, совсем незаметно, качнулся вперед, к светлой макушке, стараясь дышать так же ровно и спокойно.

– Да, – негромко ответила Марина с той же любезной улыбкой и нажала чуть сильнее – «гвоздик» ордена никак не хотел проходить через плотную ткань графитово-серого костюма. Острие вдруг поддалось и укололо его через рубашку – прямо напротив сердца.

– Вы простите меня? – Люк даже не вздрогнул, оставшись для наблюдателей благодарным и почтительным.

– Да, – почти неслышно, одними губами повторила принцесса, не поднимая взгляда от своих рук.

Она справилась наконец с закручиванием фиксатора, закрывшего острие «шляпкой», отступила.

– Поздравляю вас, виконт.

– Благодарю за доброту, ваше высочество, – хрипло произнес Люк, глядя в светлые голубые глаза с дрогнувшими и чуть расширившимися зрачками. Поклонился и пошел к своему месту.

Закончилась официальная часть церемонии, снова зажурчала музыка, гостей пригласили к столам, попросили чувствовать себя свободно. Слуги быстро убрали кресла к стенам, отдернули тяжелые занавески, открыв большие окна и выход на веранду – для тех, кто захочет курить. Официанты предлагали несколько скованным поначалу награжденным напитки и закуски, и через некоторое время в зале зазвучала громкая речь, стало теплее и комфортнее. Гости общались, выпивали, а королева, сопровождаемая мужем и принцессой Мариной, подходила то к одной группе, то к другой, задавала вопросы: о службе –

гвардейцам и сотрудникам Управления; о том, можно ли чем-то еще помочь, – родителям погибших, слушала о жизни сыновей, не выказывая нетерпения или неудовольствия, принимала благодарности за участие и утешала.

Байдек некоторое время следовал за ней, затем задержался у группы гвардейцев, поприветствовавших своего капитана, и заговорил с ними на равных, без командирских интонаций. Но служивые все равно подтягивались и выправлялись – церемония церемонией, а рефлексy никуда не денешь.

То тут, то там по залу вспыхивали любопытные разговоры, и, если бы нашелся способный услышать их все, он бы открыл для себя много нового и интересного.

– И этому человеку я объяснял про дурные импровизации, – задумчиво протянул Тандаджи, стоя рядом с Люком у широкого окна и любясь подсвеченными фонарями черными деревьями с голыми тонкими ветками. Говорил Майло очень спокойно, но Кембритч глотнул коньяка и поморщился: за столько лет он прекрасно научился понимать, когда тидусс недоволен. – Предполагалось, что ты просто вручишь псов, нет?

– Я так сказал, да, – подтвердил Люк, опуская руку в карман и нащупывая пачку сигарет. – Иначе ты запер бы меня в карцере.

– Это было бы неплохим решением, – одобрительно кивнул головой начальник разведуправления. – Итак, на чью жалость ты давил сегодня?

– Мы оба знаем, что я тогда переиграл, Майло, – серьезно и сипло возразил Кембритч. – Увлeкся. Такие оскорбления не прощаются... и королева действительно очень добра.

– А разве ты когда-нибудь действовал иначе? – ехидно спросил Тандаджи. – Совесть проснулась, Кембритч? Теперь пойдешь по всем, кого ты использовал, с покаянием?

– Проснулась, но ненадолго, – успокоил его Люк, невозмутимо делая еще один глоток, – не переживай. Я тебе еще пригожусь. Когда я получу выкладки по Инляндии?

– Я очень сильно надеюсь, что самодеятельность на сегодня закончена, – настойчиво произнес тидусс, не давая сбить себя с толку.

– Конечно, – бывший подчиненный посмотрел на него честными глазами и усмехнулся. – Так что там по Инляндии, Майло?

И их разговор перешел на чисто деловую сферу.

Принцесса Полина Рудлог общалась с Игорем Ивановичем и Люджиной, очень стараясь расшевелить северянку – хотя до сих пор дрожь пробегала от вчерашнего приключения в подземельях дворца. Но она держалась – высказывала свое восхищение, признавалась, что всегда завидовала женщинам-военным, расспрашивала о семье Дробжек, о том, как капитан переехала сюда. И где она училась. И как ей работаетея со Стрелковским. И как они познакомились. В общем, сегодня Полина была правильной принцессой.

Немногословный Игорь Иванович пил, слушая разговор вполуха, глядел на четвертую Рудлог, высокую и так похожую на него, и думал: хорошо, что она уезжает в Бермонт. Потому что рано или поздно кому-то придет в голову, что сходство их неслучайно, и память об Ирине опять начнут ворошить, вспоминать сплетни. А уж если это дойдет до Полины, то трудно предугадать, какую реакцию выдаст ее беспокойная натура.

Стрелковский на всякий случай двигался, менял положение, чтобы не оказаться к случайному наблюдающему одновременно в фас или в профиль с Полиной и чтобы положение тел и выражение лиц было совершенно разным. Думал. О том, что титул, от которого он отказался, все-таки догнал его, а значит, Ирина, несмотря на отказ, желала

настоять на своем; о работе, о мающихся в камерах заговорщиках, о списке менталистов, которых он сейчас проверял...

– Я-то Игоря Ивановича знаю давно, – рассказывала Люджина, а Полина сидела напротив нее в кресле и внимательно, легко слушала – будто общалась с подругой, – но он не помнит. Правда, Игорь Иванович? – капитан подняла голову.

– Что? – переспросил Стрелковский.

– Вы ведь не помните, когда мы познакомились, – укоризненно и чуть насмешливо сказала Люджина.

– Три недели назад, – напомнил ей полковник.

– Одиннадцать лет назад, – северянка усмехнулась. – Вы приезжали к нам в академию, проводили дневную конференцию: делились опытом раскрытия дел, рассказывали о службе в Зеленем крыле и давали игровые задания – раскрыть преступление на основе реального. После вашего отъезда вся академия бурлила. Даже уголок в вашу честь сделали.

Игорь нахмурился. Он много ездил по военным училищам и академиям, и много прошло перед его глазами кадетов, но конкретно эту, синеглазую, он не запомнил. Несмотря на профессиональную память.

– Признаю, Люджина, – сказал Стрелковский, – и стыжусь.

– Да чего там, – отмахнулась она почти весело. – Зато у меня была цель – Управление. Хотя с моими средними способностями попасть сюда было нереально.

– Вы рады? – спросила Полина. – Или жалеете?

– Да что вы, ваше высочество, – строго сказала северянка. – Я работаю с живой легендой в легендарном месте. Как тут можно жалеть?

И она легко усмехнулась каким-то своим мыслям.

Господа маги сидели в креслах и попивали прекрасное вино, наблюдая за присутствующими. Мартин рассказывал о работе при блакорийском дворе, коварно просил Вику поделиться опытом и подтрунивал над жадно поглощающим закуски Свицерским. Иногда поглядывал на принцессу Марину – та стояла рядом с сестрой и Байдеком, – на невозмутимого, прислонившегося к подоконнику рядом с дверью на веранду Кембритча, на малявку-студентку, оказавшуюся пятой Рудлог и сейчас внимательно слушающую друзей.

– Макс мог бы и прийти, – вдруг произнесла леди Виктория, тоже взглянув на принцессу Алину. – Когда я заглядывала к нему, он выглядел вполне бодро. Уничтожал несчастного доктора, имевшего смелость возмутиться тем, что Макс колет себе свои стимуляторы, и требовал увеличить ему глюкозу в капельницах.

– Мог, – согласился Свицерский насмешливо. – Но его даже Март на слабó не взял. Скромнен наш Малыш и непритязателен.

– Это рыжее чудовище? – ехидно спросил фон Съедентент, тряхнув волосами. – Делюсь, мои доверчивые друзья. Мне он буквально сказал следующее, – и Мартин, соорудив презрительно-снисходительную гримасу, процедил через губу: – Там будет слишком много Рудлогов. Да и получать блестяшку от девчонки, которую и не планировал спасать, слишком даже для меня, Март.

И старые друзья сдержанно захихикали, пока подошедший официант доливал вино в бокалы и ставил рядом с ректором поднос с закусками.

В зале пахло табаком – мужчины выходили курить, и дымок проникал с веранды сквозь то и дело открывающуюся дверь, щекотал ноздри и заставлял с тоской прикидывать, сколько еще продлится прием. Я честно следовала за сестрой, поддерживала разговор, улыбалась. Перекидывалась несколькими репликами с Мартином, с сестрами, снова возвращалась к Василине.

И чувствовала себя словно на тонкой звенящей привязи.

Люк, Люк, беда моя. Зачем ты смотришь на меня, зачем не отпускаешь?

Он стоял у окна, как всегда, один и, как всегда, совершенно не беспокоясь по этому поводу. Пил, уходил курить, возвращался. Стоял и просто смотрел, а я чувствовала его взгляд, где бы ни находилась, и чувствовала его самого. Будто он все это время стоял за моей спиной.

«Я виноват».

«Да, Люк, ты даже не представляешь насколько. Ты измотал меня, измучил. Я каждый раз после наших встреч старательно притворяюсь, что могу жить нормально. И у меня получается. До следующей встречи».

«Вы простите меня?»

«Да. Но я теперь совершенно не защищена от тебя, проклятый Змей. Ты еще сделаешь мне больно, я знаю. Ударивший однажды ударит и второй раз».

Тонкий бокал в моих пальцах охлаждал кожу, под каблуками постукивал мрамор, звучали приглушенные голоса, улыбался Март, звенела музыка. Я теряла ощущение реальности. Опять. Повернула голову, встретила с Люком взглядом – звякнула натянутая нить, стало жарко и тревожно.

Бежать. Надо снова бежать.

Я стремительно шла по прохладному коридору, и свежий воздух успокаивал, охлаждал кисти рук, касался губ и ресниц, словно дыхание перед поцелуем. Я проходила мимо охраны, мимо приседающих в книксенах и кланяющихся придворных, и не было сил даже кивнуть в ответ. Внутри отчаянно кричала другая-глупая я, требуя немедленно вернуться обратно.

– Госпожа, – радостно воскликнула моя горничная, когда я наконец-то захлопнула за собой дверь, – а мы вас ждали!

У ног Марии сидел маленький лохматый щенок – коричневый, с бежевыми пятнышками на спине и с совершенно непотребным красным бантом на шее. Сидел, высунув язык, и внимательно глядел на меня.

– Прелесть какая, – болтала Мария, пока мы с псиной настороженно изучали друг друга. – Принесли, когда вы ушли на прием, ваше высочество. Вы не знаете, что это за порода?

– Знаю, – сказала я медленно и почувствовала, как к глазам подступают слезы. – Это пастушья палевая. У меня когда-то уже была такая собака. Боб.

Щенок, видимо, приняв решение, подбежал ко мне, неловко переваливаясь – Бобби так же косолапил, – ткнулся мне в туфли, лизнул щиколотку сквозь чулки. И я не выдержала, подняла его, прижала к себе. Пусть он тоже будет Бобом. Словно детство снова со мной, радужное, яркое и спокойное.

«Опять он сводит меня с ума».

«Пора бы уже привыкнуть, Марина».

Через десять минут активного знакомства новоименованный собачен уснул прямо у

кресла, в котором я сидела. Бежал-бежал, помахиывая торчащим хвостиком, и прямо на бегу уснул.

А я открыла окно, забралась в кресло, скинула туфли и наконец-то закурила, прикрыв глаза. Ожидание становилось невыносимым. Я ждала и курила одну сигарету за другой, и стук в дверь заставил меня сжаться от отчаяния и счастья.

– Лорд Кембритч, ваше высочество, просит принять его, – с легким испугом доложила горничная, возвращаясь в гостиную.

– Зови, – сказала я обреченно. – И оставь нас, Мария.

Люк вошел, остановился у двери – высокий, худой, напряженный, – и смотрел он так, что мне стало страшно. И только чтобы разрушить звенящую тишину, не дать ей полыхнуть пожаром, я заставила себя произнести:

– Вы решили сделать из нашего дворца псарню, лорд Кембритч?

Он перевел взгляд на спящего щенка, усмехнулся, подошел ближе – я нервно стряхнула пепел, но рука с сигаретой так и осталась лежать на столике у пепельницы. Опустился вниз, потрепал спящего малыша по спинке, переложил его под столик, поднял на меня темные глаза. Слишком близко. Недостаточно близко.

– Вы оставите его, принцесса?

– Вы же знаете, что да, – устало ответила я, глядя на него сверху вниз. – Вы же все про меня знаете, виконт.

Снова тишина – и только ускоряющийся ритм сердца в груди, запах табака и Люка.

– Марина, – произнес он хрипло, и я прикрыла глаза, отдаваясь во власть его невозможного голоса и этого момента. – Марина...

– Вы удивительно немногословны сегодня, лорд Кембритч, – сказала я, и он улыбнулся, уткнулся лбом мне в колени.

– Вы меня с ума сводите, – хрипло шепнул он мне, и горячее дыхание опалило кожу через ткань платья. – Не могу больше, Маришка, не могу.

Он скользил по моим щиколоткам ладонями, поднимался вверх, обнажая бедра с кружевом чулок, целовал их, то нежно, едва касаясь, то яростно, почти кусая, оставляя отметины, а я крепко держалась за рукоятки кресла, и кровь моя сходила с ума от каждого прикосновения, от каждого движения, и ничего не существовало в мире кроме него. Задыхающегося, нетерпеливого, резкого, чересчур дерзкого, поглощенного желанием.

Люк вдруг поднял голову с темными, жуткими глазами, потянул меня на себя, вниз, взял за затылок и поцеловал.

Безумие, безумие.

Звякнувшая молния, и воздух, ласкающий разгоряченную кожу.

Крепкое мужское тело под моими ладонями, темные волосы в пальцах, мужчина, иступленно целующий меня и хрипло шепчущий что-то искусаительное, невыносимое.

Платье, стянутое с плеч, сорванное кружево белья, жесткие губы на груди и руки, сжимающие меня, изучающие меня.

Красное беснующееся пламя невыносимого возбуждения – он трется об меня, бесстыдно ласкает пальцами, прикусывает кожу на плече, и я выгибаюсь так, что касаюсь затылком кресла – он стонет сдавленно, дергает ремень на брюках, и воздух полон нашим свистящим дыханием и нетерпением.

И я, поднявшись, замерла, наткнувшись на взгляд моей сестры Василины. Как много в нем, но мне не стыдно и не больно – я с вызовом посмотрела в ответ, и Люк,

почувствовавший, что мы не одни, обернулся, опустил голову. Аккуратно натянул на меня платье, застегнул молнию и только после этого встал.

– Ты плохо выглядела, – проговорила королева, глядя при этом на Кембритча – и в глазах ее был лед, – я зашла проведать. Лорд Кембритч, я обязательно должна вам напоминать, что вы до сих пор еще обручены с моей сестрой Ангелиной, о судьбе которой вы даже не подумали поинтересоваться? И что Марина Рудлог – дочь Красного, а не публичная женщина? Вы в принципе не понимаете, что такое приличия?

– За это я не буду извиняться, ваше величество, – сухо произнес Люк.

– Я и не приму ваших извинений, – в комнате ощутимо похолодало. – Отправляйтесь в Инляндию, виконт, и не смейте появляться в Рудлоге. Я не желаю вас здесь видеть.

– Василина... – позвала я просящим, сорванным голосом и наткнулась на ее яростный взгляд.

– Ни слова, – приказала она ровно, смотря мне в глаза, и я замолчала. – Виконт?

Люк дернул головой, шагнул ко мне и, скользнув сухими губами по виску, вышел из покоев, а мы с сестрой остались напротив друг друга, и меня начало трясти от ярости. Холодная волна, зародившаяся в груди, скользнула вниз, туда, где пылал мой огонь, растеклась по телу, и пальцы закололо, и потемнело в глазах.

– Вот, значит, как, – проговорила я глухо, и слова звоном отдавались в моих ушах. – Значит, как тебе бегать на свидания с бароном, так это правильно. А мне быть с мужчиной, которого я хочу, нельзя. Да, Василина?

– Я любила его с шестнадцати лет! – сдавленно и резко ответила она, и в комнате пронесся порыв ветра, сметая пепел из пепельницы, поднимая занавески до потолка. Василина вздохнула судорожно, сжала кулаки. – Знала бы ты, сколько я просила мать отправить меня на заставу, как я выбивала для него приглашения, как мечтала, чтобы он приехал! Мне никто другой не был нужен! Я четко, ясно, без сомнений знала, что я люблю его! Пусть это было безнадежно и невозможно. А у тебя есть Мартин, Марина! И у Кембритча есть обязательства перед твоей сестрой! И у тебя есть обязательства перед семьей, перед страной, как бы тебе это ни претило. Мы Рудлоги, и от этого никуда не деться, мы кровь этой земли, на нас смотрят, про нас говорят. А сюда мог войти кто угодно! Твоя горничная! Охрана! Мой муж! Отец! Сестры!

Под моими ногами заледенел пол, и морозные узоры сплели на нем кружевную вязь. Сила, истекающая из меня, скручивалась в маленькие вихри, сталкиваясь со стихией Василины; хлопало открытое окно, а меня все больше трясло от напряжения. Начали с тонким скрипом трескаться окна, не выдерживая противостояния двух Рудлог.

Сестра тяжело дышала, пытаясь обуздать стихию, и с болью смотрела на меня, и я чувствовала подступающие горькие слезы – от того, что не случилось, от того, что мне тоже больно, от того, что мне не хватает сил остановиться, и вся эта ситуация никак не разрешима.

Из-под столика вдруг испуганно твякнул щенок, я оглянулась – в голове словно щелкнул выключатель, – и ноги ослабели, и я осела на пол. Бобби, переваливаясь, подбежал ко мне, плачуще жалуясь на то, как он испугался ветра и криков. Дурацкий красный бант все еще был на нем, и я взяла щенка на руки, всхлипнула и начала реветь.

Сестра права, но мне было все равно.

– Мариш, – сказала Вася беспомощно, подошла, села рядом со мной на пол, осторожно положила руку на плечо, – ну что же ты не сказала, что все еще не отошла от него? Ты его

любишь?

– А что такое любовь, Васюш? – спросила я, не поднимая глаз. Сила ушла, резко захотелось спать. – Если как у тебя с Марианом, то, наверное, не люблю. Но я как больная хожу после каждой встречи с ним. Не знаю, Вась, не знаю я. Хочу понять, понимаешь? Что мне делать?

Василина молчала и хмурилась.

– Он мне не нравится, – призналась королева со вздохом, – хоть я и признаю его достоинства и верность короне. Но он сделал тебе больно. Ты можешь, его и простила, да я не могу. Да и что ты знаешь о нем, Марин?

Я покачала головой, уткнувшись носом в тихого, настороженного косолапика. Ничего я не знаю. Как понять, что из рассказов Люка о себе было правдой, а что ложью? Хотя нет, кое-что я знаю. Мне плохо без него. Я веселюсь, гуляю, работаю – и безумно тоскую по его голосу, по иронии, по взгляду, от которого я так остро чувствую мир.

– Прежде всего нужно дождаться возвращения Ани, Марин, – сказала Василина твердо, так и не услышав моего ответа, – и надеяться, что помолвка будет расторгнута. А что делать... Я бы сказала: забудь о Кембритче, хватайся за Мартина – он никогда не заставлял тебя плакать. Но я не могу решать за тебя. Об одном прошу: не спеши. Разберись в себе. Если вам, – она снова вздохнула, будто заставляя себя произносить эти слова, – суждено быть вместе, то вы будете. Но готова ли ты отдать себя и свою силу за несколько ночей? Дать ему кровь Рудлогов без брака? Достоин ли он этого?

Я взглянула на нее, и она прочла ответ в моих глазах. Погладила меня по голове, улыбнулась тревожно.

– Запрет на приезд в Рудлог я отменять не буду, – произнесла сестра ровно, – но если я правильно все поняла про Кембритча и если ты ему действительно нужна, Марина, то его это не остановит.

* * *

Мариан Байдек, договорив с гвардейцами, которые несли караул в Семейном крыле, направился к покоям принцессы Марины, за супругой. Он проводил Василину с приема – ей показалось, что сестра была чересчур бледна и нервозна, – и заодно планировал заглянуть вместе с женой к детям, посмотреть, как проходит знакомство маленьких мужчин и огромных щенят.

Мариану оставалось шагов двадцать до двери, когда та распахнулась, и из комнат третьей Рудлог вышел странно собранный и резкий Кембритч. Остановился, увидев Байдека, дернул головой и поклонился. Настораживающе сдержанно.

– Ваше высочество, – а вот взгляд у него был тяжелый, будто пьяный, и голос сиплый, затрудненный, словно он выталкивал из себя слова, – простите за дерзость, но там сейчас, похоже, чисто женский разговор начался. Мне пришлось удалиться, увы. Думаю, не стоит им мешать.

– Виконт, – медленно и угрюмо проговорил Мариан, оглядывая Кембритча с головы до ног, – что вы здесь делаете?

Люк дернул уголком губ, усмехнулся. Ладонь его сжалась в кулак, он стиснул зубы, посмотрел на стену – и медленно разжал пальцы.

– Я нанес принцессе Марине визит, чтобы принести ей персональные извинения. За обстоятельства, которые вам известны, ваше высочество.

Байдек нахмурился, глядя на вытянувшегося чуть ли не по стойке «смирно» Кембритча.

– Если я узнаю, что вы опять обидели ее, – прорычал он тихо, наклонив голову вперед и собравшись, – я вас уничтожу, Кембритч.

В глазах виконта блеснуло горькое веселье, и он улыбнулся, запрокинув голову к потолку, вздохнул глубоко, словно едва сдерживал хохот.

– Никогда больше, ваше высочество. – Сказал – как поклялся, и Байдек поверил ему. Лихорадочный блеск в глазах Кембритча разгорался все сильнее, от него просто несло адреналином, как от травленной собаки в припадке. – Кстати, – произнес виконт задумчиво, поглядывая на снова сжавшуюся в кулак ладонь, – я ведь задолжал вам сатисфакцию, барон. Окажите мне честь поединком, прошу.

– Вы в своем уме, Кембритч? – резко поинтересовался принц-консорт. – Неделью назад вас пришили к стене зала. Какие тут поединки, когда вы то лечитесь, то калечитесь?

Гвардейцы с любопытством прислушивались к разговору и выжидательно косились на командира: неужели откажется? Люк усмехнулся, развел руками в стороны.

– Я жив и полон сил, барон, вы же видите. Прошу вас, не отказывайте мне. Сами знаете, долг чести – как жернов на шее. Да и кто знает, – сказал он хищно и свистяще и втянул носом воздух, – когда я буду более готов к хорошей драке? Ну же, ваше высочество, неужели у вас не найдется пяти минут, чтобы потесать об меня кулаки? И на этот раз, – взгляд его снова полыхнул насмешкой, хотя тон оставался крайне любезным, и медведь в Байдеке грозно заворочался, – я даже буду отвечать.

Полковник Тандаджи ушел с приема чуть раньше Кембритча – он не любил впустую терять время. Перед переходом в Инляндию Люк обещал заглянуть к нему за документами, но время шло, а виконт все не появлялся.

И тидусс затылком чуял: что-то здесь нечисто.

Он уже собирался позвонить, когда телефон затрезвонил сам.

– Вы просили докладывать о чрезвычайных происшествиях, господин полковник, – четко произнесла одна из телефонисток. – На плацу у гвардейских казарм драка.

Через пятнадцать секунд начальник разведуправления с каменным лицом наблюдал за происходящим на экране одного из мониторов.

Там, в широком кольце гвардейцев, дрались двое мужчин. Хорошо так дрались. Жестко.

Тандаджи отвернулся, пообещал себе придушить Кембритча самому, когда тот отойдет от кулаков барона, и спокойно ушел в кабинет – просматривать сводки о появлениях нежити.

А на плацу продолжалась драка. И гвардейцы, сомкнувшие кольцо, напряженно молчали – совсем не так, когда они разминались друг о друга, а окружающие подбадривали их криками и делали ставки.

Слышались гулкие удары, сипение и жесткие выдохи, если кто-то пропускал атаку противника, шумное дыхание, когда дерущиеся, сцепившись, ломали друг друга до выверта в суставах и треска жил, глухой стук тел о брусчатку, плевки – тут и там была размазана кровь. Пахло потом, адреналином и здоровой мужской злостью.

Кембритч, высокий и ловкий, проигрывал, но безрассудно лез вперед, небрежно ставил блоки, рискуя – и дотягиваясь-таки до корпуса мрачного и мощного консорта. Но получал в ответ так, что сгибался, хрипел, харкал кровью – и продолжал свои самоубийственные атаки.

– Хватит? – спросил у него Байдек, когда виконт упал – скула его опухала, наливаясь лиловым, и глаз, задетый ударом, был красным, заплывшим. Сам принц-консорт выглядел немногим лучше – хук справа у виконта был на удивление мощным.

Кембритч усмехнулся, помотал головой и поднялся. Он пошатывался, и взгляд его был расфокусирован, как при сотрясении.

– Я еще не уложил вас на плац, – просипел он и вытер ладонью кровь из рассеченной брови. И метнулся вперед.

На этот раз удачно – кулак занял привычной болью, попав точно в солнечное сплетение. Байдек пошатнулся, согнулся, прорычал что-то нечленораздельное и, не балуясь больше, провел удар снизу в челюсть – такой, что виконт рухнул. Снова попытался подняться, выругался сквозь зубы, но все-таки встал – его тут же повело, Люк оперся о колени, шумно дыша и глядя на забрызганные красным камни.

– Чистый выигрыш, барон, – сказал Кембритч хрипло, скалясь окровавленными зубами. Лицо его было почти умиротворенным. – Признаю.

– Не такой уж чистый, – проворчал Байдек, ощупывая языком десну и глотая кровь. Пропустил удар в нос, и хорошо, если он не сломан. – Кто вас учил?

Им поднесли полотенца, воду, и Кембритч, качаясь, задрал голову, стал обливаться, одновременно глотая – рубашка потекла светло-красными разводами, тело остывало.

– Петр Кувалда, – ответил он, морщась, и Байдек кивнул.

– У вас отличный удар справа, но вы безобразны в обороне, – проговорил принц-консорт, прикладывая мокрое полотенце к лицу, чтобы унять кровь. – Однако, учитывая, что мы в разных весовых категориях, вы продержались довольно долго.

– Я не поклонник обороны, ваше высочество, – прохрипел Люк и сплюнул кровь на землю. – Но учту ваши замечания. Для следующего раза.

– Думаю, этого боя будет достаточно, – нетерпеливо произнес Мариан. Если Василина уже вышла и ищет его, то очень не хотелось бы предстать перед ней в таком виде. Он повернулся к подошедшему виталисту; второй целитель уже пытался помочь мокрому виконту, но тот мотал головой и тяжело дышал, пытаясь сосредоточиться.

– Я на вашем месте не был бы столь в этом уверен, барон, – со смешком ответил Кембритч и наконец позволил виталисту прикоснуться к себе.

Байдек хмуро глянул на него и пошел к казармам – надо было привести себя в порядок и возвращаться к жене.

– Идиот, – сказал Тандаджи Люку, когда тот, переодетый в одолженный сострадательными гвардейцами комплект формы, с разбитым лицом и мутными от боли и вмешательства виталиста глазами, зашел к нему в кабинет и упал в кресло.

– Знаю, – сухо ответил виконт. – Дай сигарету, Майло. Моя пачка в кашу.

– Что натворил? – поинтересовался начальник разведуправления, доставая «Вулканик» из ящика стола и кидая побитому Кембритчу. Тот аккуратно, стараясь не задевать разбитые губы, зажал сигарету зубами, закурил и застонал от удовольствия.

– Может, у тебя и выпить есть? – спросил Люк, игнорируя заданный вопрос. – Раз все равно свалюсь в сон, так хоть напьюсь заранее.

– Может, тебя еще и в постель уложить? – ледяным тоном поинтересовался Тандаджи. Люк мотнул головой.

– Нет. Я тут у тебя нелегально. Видишь ли, ее величество запретила мне появляться в

Рудлоге. Я уже час как нарушаю ее прямой приказ. Так что, – он затянулся, выпустил дым в потолок, – ты укрываешь государственного преступника, начальник.

– Идиот, – повторил тидусс. – В чем причина?

– Женщины, – протянул Люк мечтательно, – такие непредсказуемые, Майло.

– Выметайся, Кембритч, – Тандаджи глянул на него с отвращением и кинул ему на колени папку с документами, – пока я не скормил тебя рыбам.

Люк покосился на аквариум – бедные рыбки снова разевали рты. Выглядели они действительно угрожающе.

– И не жаль тебе питомцев, – сказал он укоризненно. Но, увидев сузившиеся глаза начальника разведуправления, поднял руки со сбитыми костяшками. – Ты страшен в гневе. Уже ушел.

– В кабинет к магам иди, – ровно бросил ему в спину тидусс, когда Люк, так и не выпустив из пальцев сигарету, доковылял до двери. – Я распоряджусь, чтобы тебя напрямую в посольство отправили.

– Все-таки я у тебя любимчик, – ухмыльнулся Кембритч и быстро ретировался – от греха подальше.

Этот ноябрьский вечер был очень разным в разных уголках континента. Морозным и блестящим огнями фонарей – в столице Бермонта Ренсинфорсе, где король Демьян в собственном замке придирчиво осматривал обручальные пары для завтрашней помолвки с Полиной Рудлог.

В Блакории вечер был сух и холоден, стуча порывами ветра в окна покоев придворного мага, устало откинувшего голову на спинку кресла и наблюдающего за пляшущим огнем в камине.

Туманными и зябкими были сумерки в столице Инляндии Лаунваите, где крепким исцеляющим сном, свободно раскинувшись на кровати, спал Люк Кембритч, доставленный домой охранниками посольства, где его и накрыл сон. Леди Шарлотта читала рядом при тусклом свете ночника и с грустью смотрела на своего неприкаянного избитого мальчика. Сколько у него было этих синяков и переломов! Как исполнилось пять лет, так и началось...

В Иоаннесбурге во второй половине дня посыпал сильный снег с дождем, и город встал в вязкой каше. Раздраженные водители уныло тащились домой в пробках – видимость была почти нулевая. Непогода накрыла полотно реки Адигель серой хмарью, залепила окна домов и сделала великолепную столицу неряшливой и неудобной.

Семья Рудлог собралась за ужином. Пол сияла, и разговоры вертелись только вокруг завтрашней помолвки и вчерашнего происшествия.

И никто не замечал, как периодически касалась лежащего в кармане телефона принцесса Марина, проверяя, не вибрирует ли он.

Начало ноября, Пески

Ангелина

Ангелина проснулась оттого, что по ее шее скользнул кто-то прохладный, испугалась – неужели змея? – приоткрыла веки.

В предутренней темноте на нее смотрели два красных круглых глаза, и было это так жутко, что она даже вскрикнуть не смогла – только беззвучно вздохнула, пытаясь унять зашедшееся сердце, зашарила рукой по песку в поисках камня – об огненных плетях даже не вспомнилось сейчас.

Существо, сидящее у нее на груди, приблизилось к лицу, лизнуло в щеку, закрыло глаза и засопело. И первая Рудлог едва удержалась, чтобы не выругаться. От облегчения.

– Ты-то тут откуда? – почему-то шепотом спросила она у спящего щенка тер-сели. – Ты что, бежал за мной? Или в одежде спрятался?

С маленьким водяным духом, пригревшимся на ее груди, стало чуточку легче. Ангелина заснула совсем недавно – полночи после побега тело ломало так, что она каталась по песку и рыдала в голос. Но после нескольких изнурительных часов ее немного отпустило, и принцесса сразу провалилась в сон.

Вчера, после того как Ани оставила Нории на берегу моря, она упорно бежала, пока были силы, уходя в сторону от сужающейся лазурной полосы, пока не начинало мутиться сознание и не приходилось перекидываться, чтобы вернуть уходящий в животное сознание разум. Было жарко, воду она берегла, жевала попадающиеся в прибрежных песках солоноватые колючки и очень жалела, что так и не уговорила Владыку потренировать ее на оборот во что-нибудь летающее. Сейчас старшая Рудлог была даже готова рискнуть возможным падением с высоты – но только бы иметь возможность подняться вверх, туда, где не так душно и нет раскаленного песка и где наверняка видны Милокардеры.

Принцесса до последнего не верила, что ей удастся уйти, что ее не догонят сразу же, бежала и все время оглядывалась – но темнеющий горизонт был чист. И становилось тревожно: а вдруг дракон еще не проснулся? Вдруг с ним что-то случилось из-за нее? Те же песчаники... хотя Нории говорил, что они не подходят к морю, потому что им нужны глубокие и сухие пески, но вдруг в здешних местах водятся другие опасные твари?

Ангелина приняла решение бежать в тот самый момент, когда поняла, что дракон не отпустит, что ее слабость и просьбы не тронули его – а значит, бесполезны. И полагаться на добрую волю кого-то другого тоже бесполезно. Только на себя. Как и всегда.

Но как же тяжело это далось.

Тяжело, но она приняла решение, и не изменит его, и обязательно справится. А обо всем, произошедшем с нею, подумает потом. После того как достигнет цели.

Ани полежала еще немного с закрытыми глазами – замерзла за ночь жутко, горло саднило, но спать в облике верблюдницы было бы самоубийственно. Хоть и тепло. Встала, попила воды, сняла одежду, обернулась и побежала дальше, на северо-запад, все больше удаляясь от моря.

Полупрозрачный щенок тер-сели бежал рядом, время от времени уходя в почву – то ли

искал подземные воды, то ли под песком было прохладнее.

Милокардеры принцесса увидела на третий день, когда не хотелось уже ничего. И они были еще очень, очень далеко. К вечеру горы выросли совсем немного, а ведь Ангелина шла почти весь световой день, один лишь раз остановившись для передышки. Солнце садилось рано, но Ани упорно брела по остывающей пустыне под огромным месяцем, пока были хоть какие-то силы. Потом лежала, борясь с выкручивающей суставы болью, раскинув руки и глядя в сверкающий купол неба.

Только поначалу кажется, будто небо – это много-много чернильной синевы и небрежная россыпь звезд на нем. Когда присматриваешься, становится понятно, что небо – это только звезды. Огромные, яркие и крошечные, чуть мерцающие пылинки, утопающие в бесконечной глубине космоса. И вся чаша неба состоит из этих драгоценных пылинок, мириадом и мириадом миров.

И, возможно, где-то там, на земле другого мира на дальнем конце Вселенной тоже лежит кто-то уставший и смотрит в непостижимую чашу неба. Прямо на нее, Ангелину, сбежавшую принцессу, нарушившую главный принцип своей жизни – никогда не действовать под влиянием эмоций.

«Принятые на эмоциях решения чаще всего оборачиваются неприятными последствиями», – часто говорила ей мать. Что ж, она нарушила это правило, и последствия, определенно неприятные, были налицо.

Во-первых, заканчивалась вода, и если верблюдница могла терпеть, то Ангелине приходилось растягивать оставшийся запас по глотку, и иногда казалось, что она готова уже даже замуж выйти, если ей позволят напиться вдоволь и искупаться. Карта оазисов, нарисованная Нории, осталась в Истаиле, да и не помогла бы она – нынешний путь пролегал по совершенно иному маршруту.

Во-вторых, Ани совершенно упустила из виду, что по срокам на днях должен был начаться цикл, а это грозило определенными неудобствами.

В-третьих, ей постоянно хотелось есть, и пусть колючки не позволяли упасть в голодный обморок, этого явно было недостаточно.

А в-четвертых, Ангелина просто безумно устала. От бесконечного однообразного пейзажа, из-за которого казалось, что шагаешь на месте – настолько уныло и одинаково все было вокруг, – от жары, от ночного холода и простуженного горла, от опасной пустынной живности – хорошо хоть, чудовищные песчаники не попадались на пути, – от боли, которая стала почти привычной, от того, что она одна в этом мире песка, и упади она здесь – никто ее не найдет.

Наверное, именно поэтому Ани шла и шла вперед. Потому что не могла себе позволить такой нелепой смерти. И сыпучий песок под ногами, и грязь уставшего тела, и боль были ничем по сравнению со смертельными испытаниями, которые перенесли ее девочки. И от которых она смогла бы их уберечь. Если бы ее не похитил дракон.

* * *

Дворец в Истаиле тревожно молчал. Нет, всё так же выполняли свою работу слуги, и стража исправно несла службу, повара старались на совесть и даже лучше, и огромный сад был ухожен как никогда.

Но бесконечная ярость Владыки, прорастающая за ночь высокими деревьями, открывающаяся новыми родниками и разворачивающаяся зелеными лугами за границу песка, ощущалась предгрозовым сумраком, тяжелым, густым: выйди на открытую местность – и убьет накопившимся небесным напряжением.

Смелых не находилось. Был, правда, один бесстрашный Чет, общающийся с Нории так, будто ничего не произошло. Впрочем, его пятьсот лет отучали чего-либо бояться. Да и разговоры происходили урывками – они почти не встречались.

– Ты иссякнешь так, прежде чем найдешь ее, – поутру сказал Четери Владыке, выразительно кивая на пробившиеся сквозь стыки мраморных плит пола желтые полевые цветы и жилистые листья подорожника. – Возьми себя в руки, иначе я воздам ей за твою смерть.

Нории молча глянул на друга, и тот упал на колени, сгибаясь от хлестнувшей яростью силы и задыхаясь от нехватки воздуха.

– Ты ее и пальцем не тронешь, – пророкотал тяжело не друг – Владыка, и Чет только склонил голову перед прямым приказом правителя Истаила.

Ему досталось – но своего он добился. Больше Нории не истекал жизнью, и можно было надеяться, что и пустоголовая женщина скоро найдется, успокоит его окончательно.

Все-таки Рудлоги – по натуре предатели. Кровь всегда возьмет свое. И врагу не пожелаешь иметь такую скорпионицу у сердца. А тут – друг, Владыка, надежда их земли и племени.

Второй день шли поиски. Драконы облетали пустыню от берега моря до гор, опускались в поселения, просили задержать беглянку, если она появится, прочесывали Пески. Но как найти маленькую женщину на гигантском пространстве огромной песчаной страны? Если неизвестно, каким маршрутом она движется, да и жива ли еще?

Нории очнулся от начарованного сна только под утро, на следующий день после побега красной принцессы. Очнулся на холодном песке, под пронизывающим морским ветром, склоняющим листья пальм к земле, когда рассвет только-только занимался серым и море тяжело несло высокие волны, с ожесточением выбрасывая их на пляж. Наступал прилив, и соленая вода поглощала песок, подбираясь к хлипкой пальмовой роще и унося в пене прибоя оставленные полотенца, фляги, таская туда-сюда тяжелую сумку, собранную слугами для отдыха господина и его шеен-шари.

Море сыпало брызгами, с шорохом опадающими далеко за пределами кромки воды; от брызг дракон и проснулся. Открыл глаза, убедился: то, что он помнит, ему не приснилось, – прикрыл веки, останавливая расходящуюся от него силу, прорывающуюся сквозь песок странными растениями с колючками и нежно-розовыми бутонами, источающими сладкий аромат, и послал Зов.

Всем детям Воды и Воздуха оставить любые дела и отправляться на поиски Ангелины Рудлог. При обнаружении обращаться учтиво и доставить во дворец в целости и невредимости.

Кто бы мог подумать, что в этой выдержанной, алмазно-твердой, почти успешно противостоящей ему женщине столько безрассудства?

Нории ожидал, что принцесса вновь попробует уйти, скорее всего ночью, из дворца. Слишком спокойно она восприняла его отказ, слишком быстро согласилась. И Владыка был готов к этому. Но разве мог он вообразить, что ледяная Рудлог, со всей ее рассудительностью,

склонностью к планированию и неудачными попытками предыдущих побегов решится бежать без подготовки? Не взяв с собой ни карты, чтобы ориентироваться на незнакомой местности, ни запасов, беззащитная перед неумолимой жестокостью раскаленных Песков.

Нории искал ее с утра до ночи, пока держали крылья. Затем на последних каплях силы возвращался в Истаил, отпивался кровью и падал на кровать. От усталости сон приходил не сразу, и красноволосый дракон вспоминал, анализировал, думал.

Мог ли он отпустить ее, когда она попросила?

Мог. Но тогда она бы не вернулась к нему. Несмотря на ту близость, что он тщательно и осторожно создавал, пытаясь не передавить, зов ее земли все еще был силен.

Ему не хватило этих двух недель, оставшихся до конца оговоренного месяца. Он бы приучил ее к себе, как приучал все это время. Приучал не бояться его прикосновений, к своему присутствию в ее личном пространстве. И красная принцесса привыкала, постепенно, пядь за пядью сдавая оборону, яростно сопротивляясь, упираясь изо всех сил – но привыкала. К его телу. К его обществу. К его помощи.

И реагировала. Напряжением мышц, темнеющими глазами, настороженностью, неистовой злостью, которая так легко могла обернуться желанием. Он видел ее взгляды, чувствовал острые вспышки женского огня, ощущал меняющийся запах тела, дурманивший голову сильнее всех ночных цветов Истаила.

Прочная, как камень, она все-таки поддавалась ему. Как норовистая дикая кобыла, запертая в огромном загоне, что дает ощущение свободы, но все-таки не свобода. Хрипящая, брыкающаяся, готовая вгрызться в оглаживающую ее руку, Ангелина Рудлог постепенно признавала его власть над ней, сама не осознавая этого.

И скоро стены загона не понадобились бы – она сама осталась бы с ним. Потому что не помнила бы уже другой свободы, кроме как рядом с укротившим ее.

Но что думать теперь, когда женщина ушла, напоследок укусив и открыв, словно в насмешку, то, какой ослепляющей может быть близость с ней?

Пустыня очень быстро скрывает следы. Ангелина ушла задолго до того, как Нории проснулся, и он не видел ее ауры на том пространстве, что было доступно его стихийному зрению. Дракон понятия не имел, в каком облике она сбежала; одежды он не нашел – значит, в человеческом? Или она просто взяла ее с собой? А может, вещи унесло море? Кроме того, ауру умел отчетливо ощущать лишь он сам да еще Четери с его неожиданно возросшей силой. Даже Энтери был почти слеп по сравнению с ними, а уж остальные могли лишь осматривать барханы в поисках живых существ, но как им было понять, настоящая перед ними верблюдица или перекинувшаяся принцесса?

Все это очень затрудняло поиски.

В Рудлоге было проще. Там они ночами двигались от поселения к поселению, и достаточно было снизиться, чтобы понять, есть здесь хотя бы одна дочь Красного или нет. Но как найти Ангелину, когда до Рудлога более шестисот километров по прямой – и никто не мог гарантировать, что она ушла самым коротким путем.

Владыка был неистово зол на себя за глупость и самоуверенность. И на нее. Но это потом. Лишь бы осталась жива. Если принцесса жива, он ее найдет. И уже не отпустит никогда.

Прилетев в Истаил вечером третьего дня, Нории снова стоял во внутреннем дворе дворца, в котором не осталось огня красной принцессы, дрожал от слабости и отпаивался

кровью. Но не пошел спать, хотя кровь и вполовину не восстанавливала силы так, как прикосновение к его невесте. Владыка, одевшись, направился в маленький храм Синей Богини, расположенный недалеко от дворца. Не вкушать благословения от ласк дочерей песков, решивших посвятить эту ночь Божественной Любви. Он пошел просить, требовать, чтобы богиня защитила упрямую женщину и помогла ей, пока его нет рядом.

* * *

– Пропадешь со мной ведь, – тяжело сказала Ангелина, глядя на распластавшегося на песке щенка. В южных густых сумерках он выглядел как мутное пятнышко, и глаза уже не горели так ярко – теперь они были похожи на едва тлеющие угли. Тер-сели вяло шевельнул хвостиком и поднял голову. Видимо, сегодня он не достал до подземных вод, чтобы напиться. Или устал бежать. Совсем ведь малыш.

Ани осторожно, чтобы не пролить, налила на ладонь воды из сморщившегося, почти пустого бурдюка, поднесла руку к маленькому духу. Щенок лизнул несколько раз, и она снова налила. Раньше он отказывался, а сейчас совсем обессилел, бедняга.

Он пил и пил, а она облизывала ладонь после него – чтобы ни капли не пропало. Губы ее растрескались и кровоточили, глаза слезились, слипались от вязкой дряни, и тело не просто болело – агонизировало; даже плакать и дышать было больно.

Она и не плакала. Нечем было плакать. И выбора уже не было, кроме как двигаться дальше.

Принцесса поила на глазах оживающего щенка, пока не кончилась вода. Облизала ладонь, провела ею по глазам, по впавшему животу. Даже касаться было больно.

Вот и похудела.

Кожа была как наждак. Все тело казалось стянутым, почти как ее руки поначалу после стирки в тазу дешевым серым мылом. Смешно вспомнить, как она стирала – тонкая кожа распухала, на костяшках сдиралась, жгло и щипало эти ранки, а вещей было много, и о перчатках она просто не догадывалась.

Перед глазами стояли огромные тазы для стирки, полные восхитительной холодной воды, ведра, в которые она окунала половые тряпки, колодец – сколько воды она натаскала от него, как болели плечи и запястья, как училась крутить вóрот... Да что та боль по сравнению с нынешней!

– Уходи, – попросила Ангелина маленького водяного духа, который бодро бегал вокруг, потом залез на руки прохладным комочком, прижался. Красные глаза уставились на нее с обидой и непониманием. – Вода закончилась, – объяснила она ему, как ребенку. Впрочем, он ведь и есть ребенок. Сухой воздух сжимал горло, и Ани почти сипела, закашлялась, умоляюще глядя на щенка. – Погибнем оба. Пока ночь, иди обратно, ищи подземную реку. Иди, кому говорю!

Тер-сели лизнул ее в шею, соскочил с рук и побежал прочь по темному бархану. Ани откинулась на песок и слабо улыбнулась первым белым звездам. Она сейчас отдохнет немного и пойдет дальше. Ночью. Если и умирать, то в движении. Пока борешься – всегда есть надежда.

Глаза закрывались сами собой, и тела касался низкий сухой ветер, бросая на нее жалящие песчинки. Вставать не хотелось. Наверное, так чувствовали себя сами Пески, когда-

то живые и полные влаги, а ныне иссушенные, истерзанные солнцем.

Шуршит, шелестит бесконечный сухой пустыни. Ангелины еще не было, а он пел здесь, и не станет ее, а он все будет мести тихой поземкой или реветь и крутить песчаными бурями на полнеба, когда желтая взбитая пелена встает мутной стеной и гонит синеву перед собой, меняя облик пустыни.

Если заснет, равнодушный песок перешагнет через нее сыпучим холмиком и потечет дальше. Надо вставать и идти.

Принцесса поднялась, натянула рубаху, штаны, медленно, как старушка, – больно было наклоняться, да и голова кружилась от слабости. Сколько же дней она идет? Вечность? Надела на шею амулет Нории, прихватила пустой бурдюк и, прикрыв глаза, снова определила, в каком направлении двигаться. И пошла бы, если бы не вернувшийся взбудораженный щенок. Он прыгнул на нее сзади, ухватил за штанину, потянул куда-то в сторону, да с такой силой, что принцесса едва не упала. Посмотрела на него устало – водяной дух припадал на передние лапы, поскуливал, снова тяпал ее за штанину, тянул. И пошла за ним. Тяжело, медленно, карабкаясь вверх по барханам, падая без сил, судорожно хватая воздух саднящим горлом, оттирая песок, попадающий в нос и глаза, которые уже почти ничего не видели.

Шла и шла, на последних каплях воли, на голом упрямстве, на смутной надежде. Час? Или много часов? И казалось уже, что не способна даже на шаг, и все равно делала его, следя за поднимающейся ногой с равнодушным любопытством, будто не с ней все это происходило. И жалко себя не было. Было все равно. Как все равно было ярким мигающим звездам, медленно вращающимся вокруг нее.

Под ногами стало холодно, что-то кольнуло – ступня поехала, и принцесса упала. Открыла рот – туда хлынула вода, и сама она лежала в воде, о боги, в воде! У ее глаз с визгом плескался тер-сели, как утенок, нырял и выныривал, обдавая ее теплыми брызгами.

Вода. Водичка.

Ани жадно глотала ее, задыхаясь, встав на колени, умывалась, терла тело, снова пила, затем вышла на берег – голова кружилась, – оперлась о какое-то дерево с шершавой корой, согнулась от резкой боли. Ее тошнило до спазмов, почти до потери сознания, сгибало от иссушения, от торопливости. Организм просто не принял такое количество жидкости после стольких дней обезвоживания.

Второй раз в воду Ангелина заходила уже осторожно. Выпила буквально два глотка и долго сидела на мелководье, впитывая кожей драгоценную влагу.

И заснула она почти счастливой. Пусть в мокрой одежде, пусть сжимаясь от холода. Но у нее снова была надежда.

Утром оказалось, что маленький тер-сели привел ее в странный оазис, расположенный под нависающей скалой. Скала была похожа на кривую доску, наискосок воткнутую в землю. Высокая, огромная, она создавала тень,двигающуюся по часовой стрелке, и в тени этой пышно разрослась зелень, питаясь из родника, бьющего из-под основания скалы.

Человеческих следов видно не было, и это казалось странным: вряд ли жители пустыни могли не обнаружить этот маленький рай.

Скалы-«дóски», изъеденные эрозией, виднелись повсюду; вдалеке, по пути к горам, поднималось скальное невысокое плато, до которого был еще минимум день пути. Ани никуда не спешила. Почти умершая и воскресшая в воде оазиса, она, кляня себя за слабость, никак не могла оторваться от прохлады небольшого озерца – даже не озерца, так, лунки в

земле, заполненной водой принцессе по колено и окруженной пальмами с сочными зелеными листьями.

Листья были невкусные. А есть хотелось очень. Поэтому она глазам своим не поверила, когда в воду озера приземлилась огромная птица-альбатрос, державшая в когтях еще живую рыбку. Рыба вырвалась у самой поверхности, плеснула хвостом, стала накручивать круги в воде. Птица равнодушно качалась на воде, повернув голову и с любопытством глядя на Ангелину. И принцесса, закрыв глаза, потянулась к морскому крылатому охотнику, ощутила его слабую светлую ауру, впитала в себя, запомнила. И сразу же попыталась обернуться.

С первого раза не получилось, зато вышло со второго, и она бестолково хлопала крыльями, пытаясь взлететь, утыкалась клювом в землю, хрипло вскрикивала от усилий, ковыляла на оранжевых лапах туда-сюда. Непривычным было зрение – приходилось поворачивать голову и закрывать один глаз, – непривычна была вся физика тела. Прилетевшая птица с любопытством смотрела на ее мучения. Распахнула крылья, медленно, словно обучая, взмахнула ими раз, другой, откинулась назад и взлетела, сделала несколько кругов и приземлилась обратно.

«Давай же, неуклюжий птенец», – говорил взгляд ее круглых красных глаз.

Ани попыталась. Ничего не получалось, и птица, обмакнув клюв в воду, с бесконечным терпением повторяла свой урок. На третий раз, когда Ангелина уже перестала понимать, где у нее лапы, а где крылья и чего от нее хотят, альбатрос взмыл вверх и приземлился на край скалы. И закричал оттуда сердито, требовательно.

«Сюда иди, глупый птенец!»

– Ну чего ты хочешь? – потерянно пробормотала принцесса, перекинувшись обратно. – Я не могу взлететь!

Щенок тер-сели, подросший, сверкающий, как большая капля воды, с любопытством наблюдавший за ее мучениями, вдруг залаял тоненько и залиvisto, будто смеясь над ней, совсем по-детски, сам удивился внезапно прорезавшемуся голосу, плюхнулся на задницу и снова счастливо, в голос, затыкал. Заорала сверху птица раздраженно и хрипло. И Ангелина пошла к ней. Обошла скалу – песок жег голые ноги, и сразу стало понятно, как удушающе, невозможно жарко вокруг маленького благословенного оазиса.

Она карабкалась на наклонную скалу под нетерпеливые птичьи крики. А когда наконец забралась наверх, встала рядом с пернатым учителем и увидела, как высоко находится – кроны деревьев далеко внизу, пятнышко озера, тонкий ручеек, теряющийся в песке, – испугалась.

Оглянулась назад – там вставали Милокардеры, уже высотой в ладонь, и там лежало скалистое плато, поднимающееся из песка, как перевернутая измятая неведомой силой тарелка, – вздохнула и перекинулась в птицу.

Альбатрос снова требовательно прокричал что-то, расправил крылья и рухнул вниз, но тут же взмыл с потоком, полетел по кругу, крича.

«Теперь поняла, глупая?»

«Нет», – со страхом подумала Ангелина, подковыляла к краю и шагнула в пустоту. Руки-крылья вывернуло, она с ужасом забила ими, заколотила по вязкому воздуху, не в силах остановить падение, – и взлетела. Правда, ненадолго – сделала один круг и шмякнулась на верхушки пальм, благо, уже снижалась. Спланировала осторожно. Перекинулась. Задрала голову – альбатроса не было видно. А в воде, поднимая ее поверхность горбиком, медленно плавала большая, толстая морская рыба. Размером с руку, не меньше, занимая собой почти

всю лунку. И Ани, шагнув в воду, долго и неловко ловила ее, пачкаясь в чешуе и слизи. Рыба хотела жить и боролась. Но принцесса хотела больше.

После, зажав добычу ногами и разбив неожиданному дару небес голову булыжником, вся испачкавшись в темной крови, Ангелина рвала рыбу отросшими ногтями, помогая себе камнями, и ела сырую, жирную красную плоть и икру из брюшка, заставляя себя ждать, прислушиваясь – не тошнит ли снова. И только после того, как утолила первый голод, додумалась создать огненную плеть, поджечь огромные листья и закинуть истерзанную ею тушу на огонь.

Ани провела в оазисе два дня, отсыпаясь, отпиваясь и наедаясь. Летать получалось плохо и было очень страшно, но она старалась. До плато ей хватит сил дойти верблюдицей, а там она попробует снова взлететь.

Когда от большой красной рыбы остались только кости – Ани выгрызла даже толстую шкурку, высосала ее досуха – и второй день стал клониться к закату, принцесса набрала в бурдюк воды, сложила вещи, сняла амулет, связала все это вместе и обернулась в верблюдицу. Прodela голову в подготовленную петлю и, бодаясь, помогая себе ногой, надела-таки ее на шею. Попила напоследок, пока не отяжелел желудок, погрызла зелень. И побежала дальше, в наступающую ночь. Это раньше была опасность испечься на жаре, если спать днем, а бежать ночью. Теперь она могла себе позволить идти в темноте.

Под утро плато приблизилось совсем немного. Но бежалось бодро и весело, и песок уже казался не таким вязким, и серый рассвет не таким пугающим. И горы подросли еще на палец. Все ближе и ближе к дому, все дальше и дальше от красноволосого дракона, который не сумел найти ее. А она справится, обязательно. Обязательно. И жара, и усталость ей нипочем. И есть силы не спать, а бежать дальше – и Ангелина бежала. И когда солнце прошло утренний путь, встав над ее головой, и когда стало уходить вниз.

Под ногами вдруг дрогнула, посыпалась земля, и принцесса, больше на инстинкте, чем осознавая, что делает, отскочила в сторону, побежала, ускоряясь, от знакомого рева и крутящихся, поднимающихся вокруг песчаных фигур. Краем глаза увидела, как щенок терсели ушел в землю.

Быстрее, быстрее! Ани, вихляя и задыхаясь от ужаса, неслась вперед под палящим солнцем, уходила в стороны от лап песчаников, стремительно нагоняющих ее, пытающихся ухватить, разорвать пополам, – и не успевала. Следующий удар пришелся вскользь – маленькая белая верблюдица отлетела в сторону, ударилась носом, засочившимся кровью, об землю и тут же, не раздумывая, превратилась в птицу, забила крыльями, взлетая, уходя от гигантского кулака. Груз на шее тянул ее к земле, и взлететь высоко не получилось, вниз капала кровь, и белая морская птица, тяжело взмахивая крыльями, двигалась чуть выше несущихся за ней песчаников, взмывающих из песка фонтанчиками, и их становилось все больше, и рев стоял такой, что воздух вибрировал, отзываясь в крыльях и в теле.

Духи жестокой пустыни не отставали, привлеченные кровью, а принцесса слабела, глядя на приближающееся отлогое плато. Совсем невысокое и небольшое, будто на землю положили неровную, очень тонкую черную плиту. Дотянуть бы. Дотянуть, Ангелина!!!

В пустыне расстояния обманчивы. И Ани, преодолевая слабость, «ныряя» к земле, когда появлялся просвет между песчаниками, и снова поднимаясь, летела несколько часов, собирая за собой целую армию чудовищ. Уже в сумерках рухнула на остывающий камень – сил не было даже посмотреть назад. Сознание мутилось, уплывало, птичий облик брал свое,

и Ангелина, сделав усилие, обернулась в человека. Полежала немного, ощущая во рту привкус крови. Послушала рев, повернула голову. У скалы бесновались десятки песчаных духов, сыпали песком, крутились вихрями, но не могли пройти по скальному основанию. А вдаль виднелись еще фонтанчики – словно она своей кровью собрала сюда всех чудовищ пустыни. Сколько же их будет к утру? И не насыпется ли с них достаточно песка, чтобы достать ее?

Одевалась снова медленно, кривясь и всхлипывая от боли и следя за песчаными монстрами краем глаза. Сделала несколько глотков воды. И пошла дальше, по черной «плите», к горам. Их уже не было видно, но она чувствовала, ощущала всем телом направление, и не нужно было теперь останавливаться и проверять себя. Семья была там.

Показалось, или вдалеке мигнули огни – будто там было поселение? Принцесса присмотрелась. Огни, голубоватые, подрагивающие, мерцали впереди, и она пошла быстрее, по быстро холодеющему камню. Оглядывалась, звала щенка, переживая, не съели ли его песчаники, и жалея, что так и не дала ему имя.

Через пару сотен метров под ногами что-то захрустело, затрещало. Ангелина прошла еще несколько шагов, не выдержала, опустилась на корточки, пощупала землю – что же так хрустит? Под ногами была какая-то мешанина из сухих толстых палок, круглых камней – она подняла один и сжала судорожно руку.

На нее, скалясь белыми зубами, темными провалами глазниц смотрел человеческий череп. Она выронила его и в ужасе огляделась.

Кости, человеческие кости были повсюду. Глаза выхватывали черепа, торчащие из тонкого слоя песка ребра, рукоятки оружия, сотни, тысячи искореженных, рассыпавшихся от времени скелетов. Одно огромное кладбище под открытым небом, тихое, забытое богами и людьми.

Оно лежало на ее пути. И принцесса осторожно, глядя под ноги, чтобы не тревожить покоя мертвых, пошла дальше. Останавливалась, обходя останки – не только человеческие, часто попадались и лошадиные скелеты. Что же это за место? Что произошло здесь? Почему они не погребены, как положено, почему остались лежать под палящим солнцем?

Взошла луна, и взгляд стал замечать детали. Вот лежит труп лошади, под ней, явно придавленный – человек, а рядом – еще один скелет с разрубленными ребрами. Вот двое противников, сцепившихся при жизни, да так и не разжавших смертельных объятий после смерти. Там – человек со срубленной наискосок ногой – бедренная кость срезана, как лезвием, – а рядом с ним прижал сухую костяную кисть к груди воин, сжимающий искрошившееся лезвие.

Это было огромное поле боя, и из мешанины подсвеченных луной костей восставала страшная, забытая история. Ани дергалась от раздававшегося в полной тишине хруста, когда наступала на скрытые нанесенным песком останки, и тревога в душе росла, подкрепляемая суеверным страхом и чем-то смутным, заставляющим тело сжиматься, покрываться холодным липким потом. Словно души павших бойцов сумрачно и укоризненно следили за ней, и казалось, что она видит загорающиеся призрачным голубоватым пламенем темные глазницы и слышит тихий шепот, угрожающий, шипящий.

Шепот проникал в голову, убаюкивал, тянул к земле, перед глазами плясали красные точки – то ли усталость от того, что не спит вторую ночь, брала свое и все происходящее ей чудилось, то ли правда ужас, змеящийся холодным напряжением по телу, появился не на пустом месте, и нужно было скорее уйти отсюда, пока с ней не случилось что-то куда более

страшное, чем песчаники.

И Ангелина шла. И не замечала, как мягко поднимаются из земли за ее спиной призрачные огни, как следуют за ней, почти касаясь затылка. Веки ее слипались, движения становились вялыми, тяжелыми, и она брела, уже не понимая, спит или нет. Брела, пока не рухнула с закрытыми глазами на камень и старые кости, заснув на ходу.

Земля прорастала сочной травой с белыми полевыми цветами, синим покрывалом глядело сверху небо, и в ярком солнечном свете сражались две армии. Кричали люди, хрипели кони, падали всадники, лязгало оружие, стонали умирающие, и белые цветы окрашивались в красное, и месиво творилось такое, что непонятно было, где свой, где чужой, кого рубить, убивать, уничтожать.

Ангелина белой морской птицей кружила в небе и смотрела вниз, на дымящуюся кровью безумную жатву. На растянувшееся на несколько сотен метров сражение, где тут и там полыхали вспышками силы боевые маги, сражающиеся рядом с простыми солдатами с обеих сторон. На бело-золотые штандарты Рудлога со взмывающим ввысь огненным соколом. И на бело-голубые, с двумя парящими драконами на них.

Мимо с шумом пронесся белоснежный крылатый ящер, еще один и еще. Первый обернулся в полете – ударили по птичьим глазам принцессы отблески красных волос, заплетенных в косу, блеснули металлом тонкие клинки, и Четери, обнаженный, высокий, гибкий, приземлился перед отрядом воинов, пробивающих себе путь в этом хаосе, – огромных, тяжеловесных, полуобнаженных. Приземлился – и сразу пошел в бой, и люди падали под его клинками, как подкошенные, а он смеялся, и было так жутко окружающим от этого смеха, что они отступали, освобождая пространство вокруг отряда и не смея приблизиться к танцующему в бою чудовищу.

Два сопровождавших его дракона зубами рвали людей, с утробным рычанием давили их, и огромные лапы, и морды, и белые крылья становились бурыми, грязными.

Сверкнула огненная вспышка, и один из драконов взвыл от боли, махнул сожженными крыльями, сметая врагов, потянулся к маленькому человечку, дергающему руками, – снова зашипел поток огня, заорали подбадривающе люди, но крики радости быстро сменились воплями ужаса – потому что обугленный ящер в последнем рывке перекусил отчаянного мага. Сочно брызнула кровь, задергались ноги, торчащие из страшной пасти, и дракон покатился по земле в агонии, не выпуская свою жертву и давя всех вокруг.

Второй сын Воздуха и Воды сражался на фланге, уворачивался от вспышек, и рядом с ним корчились, умирали раздавленные, разодранные люди, и вокруг было пусто – никто не решался подойти ближе. Из-за его спины смуглые воины Песков обстреливали противников из арбалетов, слышались распоряжения командиров, хрипы тех, в кого попали, стоны, чавкающие звуки пронзаемой плоти.

Белая птица сделала круг и снизилась немного, и в этот самый момент затрубили боевые горны – тяжело, протяжно, – и битва стала замирать. Отступали назад, к своим знаменам, противники, разделяя зелено-бурое поле на две половинки. То тут, то там еще продолжались сражения, но и они затихали, рассеивались. Тел на земле, казалось, было больше, чем оставшихся в живых: грязных, покрытых кровью, тяжело дышащих, стонущих, помогающих раненым. Те, кто мог стоять на ногах, молча взирали на открывшееся пространство.

Там, в окружении павших огромных воинов личной гвардии короля Седрика, стояли

двое.

Командир гвардейцев. Это был мужчина уже в возрасте, тяжелый, мрачный, полуобнаженный. Такой высокий и мощный, что обычный человек доходил ему до плеча. С мечом в руке, опущенным острием на землю.

И нагая, покрытая кровью с головы до ног красноволосая смерть с багровыми глазами, пальцами медленно протирающая клинки. Будто никуда не торопилась, зная, что никто от нее не уйдет.

Ангелина спланировала еще ниже и словно застыла над головами противников.

– Вот и встретились, учитель, – гулко сказал огромный воин. – Надо закончить эту войну.

– Надо, – произнес Четери хрипло и тихо. – Не думал я, что придется убивать тебя, Марк. Уходи, и я не трону больше ваших людей.

– Тогда будут еще сражения и еще смерти, – ответил драконий ученик и поднял меч. – Окажи мне честь, Мастер. Его величество дал мне право принимать решения, и я, Марк Лаурас, говорю: если я проиграю – Рудлог признает себя побежденным и запросит мира. Мы уйдем сразу же, как один из нас будет сражен. И пусть Красный Воин не даст мне солгать или обмануть вас.

Его клинок полыхнул огнем, пророкотал в чистом небе гром – Великий Огонь принял клятву.

– Тогда и я поклянусь, – тяжело проговорил Четери. – Отцом-Воздухом и Матерью-Водой. Если ты победишь меня, тебе не будут мстить, а Пески признают поражение и согласятся на условия твоего сюзерена. И мы отступим сразу же, как закончится наш бой.

Воин-дракон отрезал свою косу у самого основания, положил ее на землю, поднялся. Рассыпавшиеся волосы его взметнуло ветром – и вдруг заплакало, полилось дождем совершенно голубое, без единого облачка небо, смывая с людей кровь и грязь, оглаживая своего сына по плечам теплыми струями.

Дождь проходил сквозь застывшую испуганную птицу, а женщина внутри горько плакала и не хотела смотреть дальше.

Молчаливые люди освобождали площадку для боя, пока противники разговаривали. Растаскивали тела, убирали раненых.

– Как Надежда? – спрашивал Чет, проверяя острие клинка. – Как дети?

– Надя разболелась перед самой войной, – степенно отвечал воин, снимая обувь и одежду, – но пишет, что все хорошо. Младший пошел только. Ты уж, если что, не забудь их.

– Поберегу, – обещал Четери, с любовью глядя на мужчину, которого взял в обучение еще долговязым юношей и который стал лучшим, превзойдя всех его учеников. – Если простит, возьму к себе с мальчишками. И ты, если я паду, забери мои клинки, Марк. И тело нужно будет сжечь, не оставляй падальщикам.

– Знаю, – неловко пробурчал уже полностью раздетый мужчина. – Отдам все почести, не сомневайся, Мастер.

Они обнялись, постояли так – в рядах солдат раздавались шепотки, тяжелые вздохи, – разошлись по краям подготовленной площадки.

Дождь усилился, в нем явно стали слышны женские рыдания. Солдаты в священном ужасе падали на колени, смотрели вверх, в голубое плачущее небо, а затем и на двух противников, решающих сейчас судьбы их стран. Те медленно поклонились, коснувшись руками земли. И метнулись навстречу друг другу.

Мощь против гибкости, сила против умения. Тонкие клинки против тяжелого меча.

Стремительные движения, и свист оружия, и разлетающиеся капли воды, и такие непохожие и похожие обнаженные воины,двигающиеся немисливо быстро, сталкивающиеся и расходящиеся в совершенном танце смерти.

На лице человека – упорство, на лице дракона – гордость и печаль. Он сильнее, но он дарит любимому ученику, ставшему ему сыном, этот прощальный бой, позволяя показать все, на что тот способен, и огромный воин раз за разом дотягивается до него, оставляя глубокие раны, и боль эта желанна и необходима, чтобы заглушить рвущееся сердце.

Бешено сходятся клинки, и окружающим кажется, что противники уже не касаются земли – настолько велика скорость их движений, и музыка оружия звучит непрерывно, пронзительно, и льется сверху дождь, не в силах остановить непоправимое. И когда один из воинов замирает, пронзенный светлыми клинками, второй подхватывает его, омываясь алой кровью, бережно опускается с ним на землю, кладет черную голову себе на колени и плачет, глядя, как угасают глаза самого достойного из людей.

Армия Рудлога уходит, и уводит назад армию Песков белоснежный дракон. А красноволосый Мастер клинков роет могилу среди тел павших. Он не может похоронить всех, но одному он обязан отдать последние почести. И белая призрачная птица садится к уставшему, раненому, сгорбившемуся дракону на плечо, тихо прижимается к его щеке и горюет вместе с ним.

Она проснулась перед рассветом, среди костей и проржавевшего оружия, с мокрым лицом и тяжелой головой. Рядом спал щенок тер-сели, и вставало солнце, и ничего не было вокруг страшного. Страшное осталось в прошлом. И принцесса, задумчивая, с комком в горле, снова пошла вперед. Порезалась, оступившись на камнях, но боль была далекой, ненастоящей. И вокруг все было зыбким, нереальным – по сравнению с отчетливой реальностью сна.

Плато снова спускалось в песок, а в нескольких сотнях метров от него стояло поселение. И Ангелина, прихрамывая, оставляя на песке кровь, побрела туда, откуда слышалось бляенье баранов, пахло дымком и едой. За хлипкими глиняными домишками вставали горы – теперь они казались совсем близкими. Сколько же до них километров? Двадцать? Сто?

Далеко справа от себя Ани с удивлением увидела светлую полосу моря. Неужели она ночью, когда шла за тер-сели, так далеко ушла обратно к берегу? Или тут море врезается в сушу заливом?

Люди встретили принцессу настороженно, недоверчиво глядя на плато за ней. Смуглый пожилой мужчина – по-видимому, староста – вышел ей навстречу, и она осторожно поклонилась, учтиво пожелала людям здоровья, и сытости, и много воды, и попросила остановиться здесь на несколько часов, отдохнуть и поесть, если добрые жители накормят путницу.

Женщины сочувственно заахали, кто-то рассмотрел тер-сели у ее ног. «Добрый знак, добрый!» – загомонили в толпе, и староста нехотя кивнул, всматриваясь в ее лицо, думая о чем-то и хмурясь.

Ангелину провели в маленький дом на окраине поселения, и пожилая женщина молча обмыла ей ноги, повязала чистыми тряпками. Поставила перед ней тарелку с лепешкой, налила стакан кислого молока. Чумазая ребятня теребила щенка, и тот заливисто лаял, играя

с малышами. В окна и двери то и дело заглядывали любопытные лица – мужские, женские.

В этом тепле, на мягком ковре, с хлопочущей вокруг нее хозяйкой дома, на Ани вдруг навалилась страшная усталость. И тело вспомнило о боли. И руки дрожали, когда она пыталась взять лепешку, и стакан она чуть не выронила. Мышцы снова крутило, ощутимо ныл живот – вот-вот пойдет лунная кровь, – и хотелось лечь, закрыть глаза и не думать ни о чем. Потому что впереди был еще долгий путь, а она так чудовищно вымоталась, что снова окружающее стало восприниматься нереальным и зыбким, и казалось, вот-вот произойдет что-то страшное, потому что не может быть все настолько спокойно и тихо с нею.

И Ангелина Рудлог почти не удивилась, услышав крики снаружи. Отставила так и не попробованное молоко, положила лепешку, поднялась тяжело, шатаясь, и вышла, аккуратно ступая перебинтованными ногами.

Люди кричали и рыдали, и у нее появилось стойкое ощущение, что она уже все это видела. Мужчины загоняли женщин и детей в дома, отвязывали животных, указывая руками куда-то в сторону плато.

А оттуда, в клубах песка, под рассветным солнцем с ревом двигались десятки, а может, и сотни песчаников. По ее следам. Это она привела их сюда, и из-за нее погибнут люди. И щит не спасет, потому что поселение большое, и дракон не услышит, не успеет, потому что она слишком далеко.

Ангелина Рудлог, чувствуя, как кружится голова от слабости, вздохнула судорожно, преодолевая ужас, сделала шаг, другой, не обращая внимания на сердитые окрики мужчин, нащупала амулет, подаренный драконом, и медленно пошла навстречу приближающейся песчаной смерти.

Люди из пустынной деревни, застыв, наблюдали, как движется маленькая фигурка навстречу стене ревающего песка, как шатается она от порывов ветра – чудовища уже были очень близко, и ее почти не было видно. Как вскидывает руки – и ударяет от нее высоченная, почти до облаков стена воющего, ревающего, рвущего барабанные перепонки нестерпимого белого жара, сметающего песчаных духов, оплавливающего песок в стекло. Как несется волна огня по черному плато, тающему, взметающемуся каменным и костяным дымом, и уходит далеко за него, образуя ровную блестящую поверхность, отражающую ослепительное солнце.

Люди, преодолев священный ужас, подошли к кромке стеклянного, уже начавшего трескаться поля. Там они нашли странную женщину без сознания, бережно подняли ее на носилки и унесли в дом.

* * *

Владыка Нории, допивающий утреннюю чашу с кровью – вокруг жадно глотали кровь его соплеменники, а Чет уже стоял, готовый к обороту, – вдруг поднял голову, прислушался, нахмурился.

– Я знаю, где она, – сказал он коротко, отбросил чашу и, обернувшись, стрелой полетел на северо-запад.

* * *

Ани пришла в себя. Лицо горело, болели руки. Она приоткрыла глаза – и поняла, что лежит на низком топчане, покрытом овечьими шкурами, а со стены на нее смотрит маленькая ящерица-хамелеон с хвостом, согнутым запятой, и выпученными черными глазками.

Принцесса улыбнулась, потянулась мысленно к ящерке, считала ее ауру. В теле было легко и пусто, и амулет тоже оказался совсем пустым – красные лепестки дивного цветка были плотно сомкнуты и лишь ритмично пульсировали в такт ее сердцу. Похоже, она излила себя почти досуха.

– Госпожа, куда же вы! – всплеснула руками хозяйка жилища, когда Ани показалась в дверях.

– Домой, – сказала Ангелина тихо. – Мне нужно домой.

– Да отдохните же вы, – уговаривала ее женщина с опаской, – вы хоть и великая колдунья, повелительница огня, но еле держитесь! Мы плов готовим, выходим вас, проводим...

Принцесса, не слушая ее, шла мимо домов и загонов, мимо выходящих на улицу людей.

– Она уйти хочет! – жалобно крикнула женщина кому-то из-за ее спины, и Ани увидела, как выходят на дорогу мужчины – с виноватыми и тяжелыми взглядами, – как смотрит хмуро староста деревни из толпы преградивших ей путь жителей.

– Госпожа великая, – сказал он, – не гневайтесь, не можем мы вас отпустить. Прилетал дракон, велел вас задержать, если придете. Не можем мы против воли Владыки пойти, госпожа.

Старшая Рудлог усмехнулась одними губами. Создала щит и пошла дальше, раздвигая толпу мужчин его сферой, не слушая их уговоры, мольбы и просьбы. Далеко за пределами деревни она подняла голову, посмотрела на горы. Почти высотой с нее, совсем недалеко. Дойдет, конечно. Разве после всего, что случилось, может она не дойти?

Слабость ударила внезапно, когда Ангелина пыталась обернуться птицей, и принцесса упала на песок, хватая ртом воздух. Щит тренькнул и рассыпался со звоном. Попыталась еще – в верблюдицу. Снова упала, тяжело дыша, чувствуя, как кружится голова. Подышала немного, собралась, вспомнила маленькую ящерку, сосредоточилась. И опустилась на песок четырьмя белесыми лапами, чувствуя брюшком жар раскаленной пустыни. И побежала вперед.

Солнце грело кожистую спинку, разогревало кровь, и пить совсем не хотелось, хоть в глазах становилось все темнее и все тяжелее казалось тело. Милокардеры приближались, вырастая массивными, покрытыми зеленой склонами с шапками ледников, спускаясь гребнем к морю – там-то она и пройдет в Рудлог. Великолепные, долгожданные горы, в туманной дымке, почти рядом. Почти добралась.

И она не сразу поверила, что уже не попадет туда, когда по какому-то наитию оглянулась и увидела стремительно снижающегося белоснежного ящера. Хозяин летел за принадлежавшей ему женщиной. Он упал на нее сзади с рычанием, в воздухе перекинувшись в человека, обхватил ее своими ручищами, сдавил, обездвижил. Она била хвостом, шипела, даже ухитрилась укусить его раз или два. Но в глазах потемнело, словно эта борьба забрала последние капли сил, в голове взорвалась ослепляющая боль, и она увидела на песке свои руки и длинные светлые волосы – и сжалась, застонала от разочарования, хватая ртом воздух, зло и беззвучно рыдая.

Так и лежали они нагишом: сверху – рычащий и трясущийся от ярости и азарта красноволосый гигант, снизу – уткнувшаяся в песок и тяжело дышащая принцесса. От

пышной черноволосой женщины не осталось и следа. Под Нории лежала тоненькая девушка с бледной кожей и мягкими длинными волосами.

Он, пытаясь успокоиться, взял в кулак ее волосы удивительного светлого льняного цвета, сжал прямо у затылка. Повернул ее голову влево. К щеке и сухим губам ее прилипли песчинки. Ани лежала с закрытыми глазами, и только нижняя губа была закушена от отчаяния. Лицо, тело, волосы были другие, но это была она, без сомнения. Ее запах и ее ритм дыхания, ее пульс и ее переливающаяся всеми цветами аура.

– Я больше не буду брать с тебя обещания, – сказал Нории своим рокочущим голосом, касаясь губами ее уха. – Просто запру тебя во дворце и не выпущу, пока ты не станешь моей.

Рука ее, лежавшая у лица, судорожно сжалась в кулак, загребая песок, затем разжалась. И она, и он понимали, что она проиграла.

– Слезь с меня, – прошептала красная принцесса.

Ярость и злость пылали пламенем, переплавляясь в какое-то бешеное желание убить, уничтожить, пустить ему кровь. Она застонала от бессилия и вдруг остро ощутила огромное мужское тело, лежащее на ней. Внизу живота закручивался тугой комок, и хотелось потянуться назад, как кошка, потереться ягодицами об его чресла, и будь что будет. Волосы на затылке встали дыбом, а соски, прижатые к горячему песку, отяжелели и стали вдруг такими чувствительными, что она едва сдержала стон.

– Слезь с меня, проклятый дикарь!

Нории потянул носом воздух. Ее запах изменился, и его тело мгновенно отреагировало на это. К ярости, страху и отчаянию теперь примешивался солоноватый запах ее желания, пряная смесь покорности и дикости.

– Я бы мог иметь тебя на этом песке до завтрашнего полудня, и ты просила бы еще, пока не потеряла бы сознание, – пророкотал он ей на ухо своим ужасающим голосом, вызывая болезненные спазмы внизу живота и делая ее совершенно мокрой. – Но не бойся, маленькая принцесса, сейчас я не трону тебя. До первой нашей супружеской ночи у тебя будет время разобраться в том, чего ты хочешь на самом деле.

Он встал легко, одним рывком, а ей хотелось лежать и умереть. От реакции собственного тела, от того, что после всех испытаний, несмотря на опустошающую усталость, оно отвечало на его слова дрожью и томительной тяжестью. От того, что горы были так близко и ей не хватило совсем немного.

Нории поднял ее, напряженную, но без страха выдержавшую взгляд его вишневых глаз, отряхнул от песка. Какая же она маленькая, изящная, почти прозрачная, с этими голубыми глазами и тонкой кожей, такой нежной, что даже его изучающий взгляд слишком груб для нее. И длинные, ниже ягодиц, очень светлые волосы, и грудь, небольшая, вызывающая, и белый пушок, и аккуратные бедра... Он резко поднял глаза, закрыл их, пытаясь справиться с собой.

– Полетели домой, Ани-лиша. Я слишком много дней тосковал без тебя.

Начало ноября, суббота, Лаунвайт, Инляндия

Люк Кембритч

В шесть часов утра под морозящим серым дождем к дому Кембритчей подъехал длинный белый автомобиль с государственным гербом на крыле, и впустившему раннего гостя в дом дворецкому со всем апломбом было объявлено, что виконта Лукаса Бенедикта Кембритча приказано доставить в Глоринтийский дворец на встречу с его величеством Луциусом Инландером. Дворецкий невозмутимо принял у третьего помощника секретаря его величества промокший зонт, пригласил его в гостиную и предложил чаю с кексами. И пока ранний гость наслаждался превосходной выпечкой, Уолдред послал горничную разбудить леди Шарлотту.

В шесть пятнадцать неторопливо освежившаяся хозяйка дома набрала на телефоне номер, которым не пользовалась уже много лет.

– Шарлотта Кембритч, – проговорила она в трубку ровно, хотя заметно волновалась. – Ваше величество, приветствую. Простите мой ранний звонок, но что за спешка, Луциус? Мальчик спит, он только после болезни, совсем слаб.

– Лотти, – суховато и после небольшой паузы ответил король Инляндии, – удивлен, удивлен.

– Чему же? – проговорила она мягко, успокаиваясь.

– Ты почти семь лет не звонила мне.

– Повода не было, – сказала она непринужденно. – Не могла же я отрывать тебя от дел по пустякам.

– Твои дела никогда не были для меня пустяками, кузина, – ответил он любезно. – А что касаясь твоего «мальчика», так слабость и болезнь не помешали ему совершенно возмутительным образом нарушить режим и сбежать из лазарета. Так что к семи должен быть у меня.

Тетушка леди Шарлотты в свое время сделала блестящую партию – вышла замуж за отца Луциуса, и Инландер, несмотря на всю свою суховатость, к родственникам относился с доступным ему радушием. И хотя публично фамильярность была недопустима, в кругу семьи и частных беседах он мог быть приятным и даже остроумным.

– Лици, – проворковала леди Шарлотта в трубку, будто ей было не за пятьдесят, а всего лишь семнадцать, – сжался. Это ты жаворонок, а нам, простым смертным, никак не приспособиться к твоему режиму. Пусть поспит. Перенеси хотя бы на одиннадцать.

Его величество недовольно кашлянул в трубку.

– В одиннадцать, – сказал он, и леди довольно улыбнулась себе в зеркале, поправила воротник пеньюара. Сейчас будет встречное условие, Луциус не делал одолжений без немедленного взимания долга. – И, Лотти. Через пятницу – Серебряный бал. Я хочу, чтобы ты была. Вместе с сыном.

– Конечно, – пообещала графиня Кембритч. – Благодарю за доброту, ваше величество.

Без пяти одиннадцать Люк, одетый в строгий костюм, в спешном порядке доставленный

ранее остального заказанного матерью гардероба, любовался своим разбитым лицом в зеркала, коими была обильно украшена секретарская у приемной его величества. Виталисты постарались на славу: отек спал, синяков почти не было видно, но некая покоренность наблюдалась, как и розовеющие свежие шрамы от рассечений. Личный секретарь его величества, лорд Палмер, вышедший из кабинета, позволил себе несколько оценивающих взглядов, прежде чем пригласить Кембритча на аудиенцию.

Высокий, сухой, с начавшими сесть рыжими волосами, король Луциус на мгновение поднял блеклые голубые глаза на вошедшего, задержал взгляд на его лице, чуть нахмурился, но милостиво кивнул в ответ на поклон и приветствие и продолжил читать бумаги. Выражение лица его величества было несколько брюзгливым, и Кембритч, стараясь не ухмыляться, вспоминал, как его мать сравнивала Луциуса с унылой собакой. «Чистый бассет-хаунд, – говорила она, – а ведь в молодости был весьма и весьма».

Люк, подавляя неуместную веселость, молчал, оглядывая кабинет. Небольшой, душный, с маленьким окном. Тяжелая и темная дубовая мебель с резными гербами, глубокий камин с широкой трубой, выложенной белой плиткой с лазурной росписью, шкафы, кресла. Потемневшее от времени зеркало во весь рост. Весь этот доисторический хлам сдать бы в музей, но ведь традиции. Традиции для Инландеров – это все. Да и сам Глоринтийский дворец производил гнетущее впечатление: темный, с небольшими помещениями, длинными гулкими коридорами со старым паркетом и тихими слугами. Люк никогда не любил здесь бывать. Неудивительно, что правящая династия напоминает тихих неврастеников – попробуй остаться со здоровой психикой, когда растешь в этом подавляющем тебя складе старых вещей.

Запах табака щекотал ноздри – его величество никогда не курил на людях, но, работая, баловался, и Люк чуть поморщился, вдохнув едкий приторный дымок: сам он не любил сигарет со сладким вкусом, полагая, что добавки только портят удовольствие.

– Кембритч, – наконец холодно сказал король Инляндии, отложив бумаги, – приглашаю вас пройти. У меня к вам разговор.

– С удовольствием, ваше величество, – учтиво ответил виконт и, подождав, пока Инландер пройдет к двери, направился за ним.

– Итак, – требовательно произнес Луциус Инландер, когда они прошли в длинную портретную галерею, опоясывающую высокий холл на втором этаже и увешанную изображениями рыжих предков нынешнего короля, и медленным шагом стали прогуливаться вдоль картин, – вы знаете, о чем я хочу с вами поговорить.

– Догадываюсь, ваше величество, – подтвердил Люк, разглядывая королевского предка в чудовищном парике и с таким же снисходительным выражением на лице, как и у взиравшего на виконта монарха. Черт бы побрал этого тха-охонга, позволившего Луциусу навязать ему долг жизни.

– Речь пойдет о долгах, – вторя его мыслям, продолжал Инландер отстраненно, поглядывая вниз, в холл, через темные перила, – давних и новых. Ваш дед, герцог Дармоншир, был человеком достойным, но, как вам известно, несколько нетерпимым. – Люк вежливо склонил голову, хотя определение «несколько» покойному деду явно льстило. – Он был столпом Инляндии, верно служил моему отцу, затем мне и стал для меня не только наставником, но и другом. Перед смертью, пять лет назад, он обратился ко мне с просьбой, которую я и намерен выполнить.

Очередной Инландер на портрете пытался выглядеть грозным. Настолько, насколько может быть грозной унылая собака с обвисшей мордой.

– Он просил меня настоять на том, чтобы его внук, отказавшийся от титула из-за давней ссоры, принял его, обеспечив достойное продолжение рода Дармонширов, – добавил Луциус размеренно. – Вы же самым возмутительным образом игнорировали свой долг и мои приказы. И даже осмелились уехать из страны и принять рудложское гражданство.

– И я до сих пор являюсь подданным Рудлога, – напомнил Люк вежливо.

– Это ненадолго, – отмахнулся Луциус. – Вас ждет пакет со всеми документами о переходе к вам титула. В ближайшие дни вы обязаны посетить Дармоншир и принять дела у временного управляющего. В пятницу мы даем первый королевский бал сезона. Там я и представлю вас свету как нового герцога.

– Это все, ваше величество? – спокойно уточнил виконт. Если и правда все, то он легко отделался.

Луциус взглянул на него с иронией, и Кембритч поймал себя на мысли, что монарх совсем не так прост, как кажется.

– Нет, конечно, виконт. Мне мало удостовериться, что вы приняли титул. Раз уж вы оказались мне должны, я собираюсь требовать все, что необходимо для выполнения данного слова. Вам необходимо жениться и произвести наследников. И чем скорее, тем лучше.

– Я не очень готов к женитьбе, ваше величество, – осторожно сообщил Люк, напрягшийся при упоминании гипотетических наследников. – Прямо скажем, совсем не готов. И если титул я приму смиренно, то здесь вынужден отказаться. Лет через пять, может быть...

– Вы же помолвлены со старшей Рудлог, – сварливо перебил его монарх.

– Это было вынужденным решением, – признался Кембритч, – и сейчас в нем нет необходимости. Тем более что ее высочество похищена и нет уверенности, что она вернется.

Они подошли к широкому зеркалу в серебряной оправе, зачем-то расположенному посреди портретной галереи. Рыжие потомки Белого вообще, похоже, питали нездоровую страсть к зеркалам. Люк глянул на себя, на короля – они были одного роста, с одинаковыми подбородками и носами. Родственники, что сказать. Хотя вся инляндская знать как горох из одного стручка – и чем ближе к трону, тем похожей.

– Она жива, Рудлоги чувствуют это. Значит, вернется рано или поздно, – ответил Луциус уверенно, – и я не советую вам упускать эту партию. Даже так: я запрещаю вам упускать эту партию. Сильнее крови вы не найдете. Однако же, если за этот месяц Ангелина Рудлог не появится, я дам вам выбор из десятка достойнейших претенденток.

– К чему такая спешка, ваше величество? – поинтересовался Люк, чувствуя, как капкан, в который его загнало обещание Его Священству, снова начинает сжиматься. Вдруг стало ощущаться обручальное кольцо на пальце и до тоскливости, до царапанья в горле захотелось напиться.

Луциус постучал длинными пальцами по зеркальной поверхности, взглянул на свое отражение, о чем-то раздумывая.

– Я скоро умру, Кембритч, – сказал он, повернулся к Люку и тяжело посмотрел ему в глаза, – и я просто закрываю долги. Твой долг – самый давний и самый весомый для меня.

– Ваше величество, вы выглядите очень здоровым, – деликатно сообщил ему Кембритч. От взгляда Инландера шутить как-то расхотелось.

– Это семейное, – отозвался Луциус. – Ты не знал? Мать не говорила?

Люк покачал головой.

– У нас бывают видения, – нехотя поделился с ним Инландер. – Поэтому я, увы, точно знаю, что мне осталось не больше года. И поэтому ты женишься, упрямец, даже если мне придется женить тебя насильно. Я, Кембритч, желаю, чтобы на моих похоронах и на коронации моего сына ты был с женой. Желательно – уже носящей твоего сына.

Напиться – прекрасная идея. Вот вернется домой и сразу приступит.

– Боюсь, ее величество Василина не очень довольна мной и вряд ли одобрит подобный брак своей сестры, – сообщил Люк доверительно, лихорадочно соображая, как бы отказаться от снова нависшей над головой петли супружества.

– Я слышан о твоей выходке, – презрительно сказал Луциус, – как и о прочих проступках. Но сильно рассчитываю, что титул Дармонширов ты не будешь позорить подобным образом. Что касается Василины – я решу этот вопрос. Это уже не твое дело. Твое – принять титул, взять достойную жену и усердно заняться продолжением рода.

– Это все, ваше величество? – покорно повторил Люк. – После этого мой долг будет уплачен?

– Да, – подтвердил король Инляндии. – Будешь свободен, если не напорешься еще на какого-нибудь монстра и не задолжаешь мне снова. И еще, Люк, – проговорил он требовательно, поджав губы. – Веди себя пристойно. Никаких походов по борделям, никаких любовниц до свадьбы. Никаких женщин рядом. Не хочу, чтобы у Василины был повод отказать тебе, когда вернется старшая Рудлог. Вот женишься – хоть половину герцогства оприходуй. А пока – запрещаю.

Люк выслушал его с лицом, выражению которого позавидовал бы и Тандаджи, и даже улыбнулся смиренно и обещающе на словах «Не хочу, чтобы у Василины был повод отказать тебе». Откланялся очень почтительно. И поехал домой.

Напиваться.

Марина

– Не могу поверить, что раньше все это вышивали вручную, – сказала Пол, оглаживая заботливо сложенную в широкую коробку нарядную помолвочную рубаху, расшитую золотым, красным и зеленым орнаментом. – Я все пальцы исколола, пока вышила «Д» и «П». Надеюсь, Демьян оценит мои страдания.

Я, стараясь не улыбаться, оценивающе оглядела плоды Полиных трудов. «Д» – зеленым, «П» – золотом, сплетенные, размером с ладонь, вышитые на правой стороне груди, выглядели очень внушительно. И стежки были прямые, аккуратные. Почти все, за исключением некоторых участков, отчетливо говорящих о том, как периодически злилась Полли – там нить легла хаотично, торопливо и неровно.

– Он будет в восторге, – заверила я ее, и Поля скептически посмотрела на меня, на вышивку, не выдержала и расхохоталась, нервно теребя юбку скромного белого платья – свободного, с длинными рукавами, ниже колен. Она вообще с утра была на взводе, хихикала не переставая. Что же с ней будет перед свадьбой? Истерика? Вася вот была спокойна. Хотя... спокойствие ее было скорее пугающим.

– Красиво, – мечтательно произнесла Каролинка. Она сидела на кровати Полины, скрестив ноги, и наблюдала, как и все мы, за ее метаниями. – Но я бы вышила такое сама.

– Вот найдем тебе мужа, и сразу займешься, – фыркнула Пол, – а пока оставь мне мои

попытки погордиться. Я неделю над ней сидела.

– А почему машинкой не сделала? Это же тоже своими руками, но дело десяти минут, – наивно полюбопытствовала Алина. Полина помрачнела, глянула на нее так, что наша умница часто-часто заморгала за стеклами очков.

– Где ж ты была неделю назад? – проворчала без пяти минут невеста. – Со своими здоровыми идеями?

В дверь спальни заглянула Василина, оглядела нас – все были в белом, похожие на стайку взъерошенных голубей, – улыбнулась раскрасневшейся Полине.

– Пора, Пол. Гости ждут.

Большая семья – не только головная боль и младшие сестры, путающиеся под ногами. Это еще и целая стратегическая единица. Где бы мы ни появлялись в полном составе, всегда имели подавляющее численное преимущество.

Демьян, подтянутый, высокий, крепкий, одетый в зеленое и черное, ничуть не смущался обилию Рудлогов, заполонивших помещение перед семейной часовней. Впрочем, у него был отличный шанс отыгаться на свадьбе.

Он привел с собой только матушку, вдовствующую королеву Редьялу, нянюшку, очень старенькую, почти прозрачную от прожитых лет, которая начала тихонько плакать, как только вошла в двери, да двоих мрачных типов, зверски поглядывающих на всех вокруг. Демьян представил их как своих друзей и соратников – подполковника Хиля Свенсена и капитана Ирьяна Леверхофта. Выглядели эти друзья так, будто готовы были прямо сейчас устроить драку, и поздоровались одинаково неприветливо – что-то буркнув. Впрочем, нянюшку они поддерживали со всем почтением и бережностью.

– Берманы, – прошептала Алинка деловито, когда приветствия закончились, Демьян умыкнул розовую и напряженную Полинку в угол и что-то тихо говорил ей, а остальные, кроме нас двоих, глядели на них с умилением. – Смотри, у них глаза чуть раскосые и волос на теле больше, чем у среднестатистического человека. Как у Мариана. – Мы дружно уставились на Васиного мужа. Сама Василина, стоя рядом с отцом, уже вела светский разговор с вдовствующей королевой. – И уши совсем немного отличаются формой, – продолжала Алина. – Кстати, слух у них гораздо чувствительней... ой!

Один из берманов, капитан, отвлекшись от старушки, коротко сверкнул клыками в нашу сторону.

– Невоспитанный какой, – обиженно проворчала Алинка. Я тихо давилась от смеха, наблюдая, как дрожат плечи у «невоспитанного» гостя, аккуратно сопровождающего нянюшку в часовню.

* * *

– Полюша, ты такая тихая. Идеальная берманская жена.

Фырманье.

– Наслаждайся моментом, ваше величество. Это я пока в волнении. А после свадьбы сяду на шею и не слезу.

– Не сомневаюсь, заноза моя. – Легкое касание руки. Больше нельзя – на них обращают внимание.

– Я тебе рубашку вышила.

– Правда?

– Не смей смеяться!

У Бермонта начали подрагивать губы, и четвертая принцесса возмущенно раздула ноздри.

– Обязательно надену на свадьбу, – пообещал Демьян серьезно.

– Да честно говоря, страшненько получилось, – призналась Полли потерянно. – Я всегда сбегала с уроков домоводства. Ничего-то я не умею...

– Главное умеешь, – проговорил Демьян совсем тихо – так, чтобы даже его друзья не услышали. – Как раз то, что нужно для моей жены.

– Что же? – с настороженностью поинтересовалась Пол.

– Любить меня, – прошептал будущий муж.

– И это все? – уточнила засмущавшаяся невеста, когда в помещении раздался голос священнослужителя, приглашающего гостей в часовню.

– Нет, – строго произнес Демьян, предлагая ей руку, и она кинула на него обеспокоенный взгляд. – Нужно, чтобы и я любил тебя. Вот теперь все.

В маленькой часовне, пахнувшей маслами и деревом, под непрерывное всхлипывание старой няни, после положенных молитв и славословий двум божественным прародителям король Бермонта надел на руку невесте обручальную пару, и она тоже натянула ему на палец кольцо, застегнула на его запястье браслет. Родные молчали, поблескивали огнями глаза Красного, мягко светился зеленью Великий Пахарь, и Синяя Богиня, улыбаясь, смотрела на еще одну скрепляющую мир пару.

Месяц – это так недолго.

Затем были официальная фотосессия для прессы, праздничный обед и обмен подарками.

– Это рубашка на первую брачную ночь, – спокойно объясняла королева Редьяла, показывая Полине что-то объемное, сероватое, тяжелое, сшитое из очень уж сурового полотна. – По нашим обычаям, мать жениха дарит невесте право последнего испытания.

Вдовствующую королеву посадили рядом, Демьян сидел напротив, и на руке его тусклым серебром светилась обручальная пара. Девчонки вокруг с любопытством прислушивались к разговору.

– И что же это за испытание? – вежливо поинтересовалась Полина, рассматривая чудесную – совсем не как у нее – вышивку на плотной ткани. Знаки плодородия, цветы, колосья – все сплетено в изящный цветочный узор.

– Мужчина должен быть достаточно силен, чтобы порвать ее на будущей жене, – сказала королева и мечтательно, словно вспоминая что-то, улыбнулась. – Если не сможет, девушка имеет право уйти. И никто ее не осудит.

– Так ведь мать может специально выбрать некрепкую ткань, – удивилась рядом сидящая Алина.

– Да что вы, ваше высочество, – сурово сказала Редьяла Бермонт, и Алина смутилась, – это же позор. Каждая мать должна гордиться тем, что вырастила сильного сына. Раньше, в старину, такие рубахи прошивались сотнями стальных нитей. Невеста тоже должна была быть крепка, чтобы надеть ее.

– Хорошо, что сейчас никаких нитей здесь нет, – пробормотала Полли, поглаживая

шершавую вышивку и поглядывая на невозмутимого жениха.

– Почему нет? – удивилась королева. – Не сотни, конечно, сорок шесть, как положено. Именно столько лет Хозяин лесов прожил со своей человеческой женой. Да вы не волнуйтесь, Полина, мне стыдиться будет нечего.

– Вот в этом я не сомневаюсь, – сказала Пол, принимая тяжеленную коробку с испытательной рубашкой и выразительно глядя на Демьяна. Пусть только попробует не порвать. Она его тогда покусает.

Он глянул укоризненно – «опять ты сомневаешься во мне, Полли», – и четвертая принцесса лукаво улыбнулась.

Обедали, хвалили прекрасные блюда, договаривались о Полининой поездке на полнолуние в Ренсинфорс – в сопровождении родных, если кто захочет, и придворных дам, чтобы даже намек на неприличное не было. Официально – знакомиться с дворцом, учить тонкости предстоящей церемонии, неофициально – чтобы Демьян мог проконтролировать очередной оборот. Обсуждали предстоящую свадьбу, возможные совместные проекты и просто общались. И почти ничем не отличался этот обед от знакомства двух любых других семей, дети которых решили связать себя узами брака.

Люк Кембритч

– Уолдред, – сказал Люк, отдавая дворецкому плащ, – бутылку коньяка мне в спальню. У нас ведь есть коньяк?

– Мы обновили запасы, – выпрямившись, с достоинством подтвердил старик, но глаза его неодобрительно поблескивали.

– Не смотрите на меня так, Уолдред, – усмехнулся Кембритч, проходя к лестнице, – а то я попрошу составить мне компанию. Я, кстати, хочу пообедать у себя.

– Увы, леди Шарлотта наверняка не одобрит моего участия, – проговорил старый слуга с видом скорбного святого. – Обед через полчаса, милорд.

– Ваша светлость, – невесело поправил его Кембритч, постучав пакетом с титульными документами по светлым перилам лестницы.

– Прекрасная новость, ваша светлость, – не моргнув глазом произнес дворецкий и поклонился. – Тогда позволю себе предложить вам превосходный виски. Мы закупили несколько бутылок номерного пятидесятилетнего «Фьюорса» для особенных случаев.

– Умеете вы подсластить пилюлю, Уолдред.

– У меня обширный опыт, ваша светлость.

Люк поднялся на второй этаж, зашел к себе в комнату, бросил пакет с документами на постель, врубил телевизор. Сходил в душ, переоделся, упал в кресло и закурил.

Так и курил, пока горничная, тощая рыжая девица, пытаясь не стрелять глазками, ловко накрывала столик у кресла и пока дворецкий торжественно заносил графин и бокалы, наливал первую порцию – на пробу. И ведь действительно уже полуглух и полуслеп, и руки слабы, и спину все труднее держать прямо, а никому не отдаст свои обязанности. И леди Шарлотта никогда не сможет нанести верному слуге удар, отправив его на пенсию.

– Превосходно, Уолдред, – хрипло сказал Кембритч – или, вернее, уже Дармоншир, когда пахнувший осенью, жженым медом и сухим теплым деревом виски обжег небо, прокатился по телу расслабляющей волной. – То, что нужно. Думаю, нам следует закупить

еще партию.

– Я уже распорядился, ваша светлость, – сообщил дворецкий высокомерно и, откланявшись, удалился.

После второго бокала на душе стало легче, и прекрасный овощной суп с говядиной пошел на ура, и запеченный окорок, и мягкий картофель со сладким сливочным маслом. Он ел, думал, пил, просматривал документы, щелкал каналами телевизора, пока палец не замер на кнопке – шел блок международных новостей.

– ...Состоялась помолвка между его величеством Демьяном Бермонтом и ее высочеством принцессой Полиной-Иоанной Рудлог, – вещал аккуратный пресс-секретарь рудложской королевской семьи. – В связи с трагическими событиями на дне рождения королевы Василины-Иоанны было принято решение отметить обручение в тесном семейном кругу, что было встречено с пониманием и одобрением. Этот брак послужит укреплению давних соседских отношений между двумя государствами, поможет сблизить наши народы...

Дальше пошли официальные кадры: обрученные, демонстрирующие принятые в Бермонте обручальные пары – кольцо и браслет, связанные цепочками; родные, поздравляющие будущих супругов. И Марина, непривычно мягко и ласково улыбающаяся младшей сестре.

Люк отставил поднесенный к губам бокал, покосился на графин. Аккуратно закрыл его пробкой. И набрал номер, который помнил наизусть.

– Скажи мне, что ты больше никогда не захочешь меня видеть, – попросил он в трубку хрипло, чувствуя, будто стоит на краю обрыва, и уже качается тело – туда-сюда, туда-сюда.

Она помолчала, напряженно вздохнула, словно собираясь сказать то, что столкнет его вниз, – и отключилась. А Люк, откинувшись в кресле, улыбнулся легко и закрыл глаза.

Начало ноября, воскресенье, Иоаннесбург

Марина

– Ну что, – как-то сдавленно пропыхтел Мартин в трубку, – всех помолвила? Все прошло спокойно? Не как это обычно бывает у Рудлогов?

– Ты что там делаешь? – подозрительно спросила я, прислушиваясь.

– Готовлюсь к эффектному появлению у тебя в гостиной, – сказал он со смешком. – Убери слабонервных горничных и детей, будь добра. И закрой глаза.

– Ни за что, – твердо ответила я. – Ты там кросс бежишь, что ли? Опять от декольтированных дам?

Загадочное сопение было мне ответом. Затем в гостиной открылось огромное Зеркало, и из него полезло что-то огромное, мохнатое. Я взвизгнула, подтянула ноги на кресло, а щенок, мирно грызущий до этого ножку столика, заскулил и начал ворчать, припадая на передние лапы. Все это чудесным образом разбавил злодейский смех Марта. Он тянул из Зеркала огромного – выше моего роста – мохнатого медведя и покатывался от смеха, глядя на мое лицо и защищающего меня пса.

– Все, – сказал он, переводя дух и продолжая смеяться, – принимай подарок. Как я и обещал, плюшевый мишка. Видишь, какой я внимательный. Красавец, правда?

Огромный медведь, сидящий на полу, печально смотрел на меня глазами-бусинами. Его коричневая шерстка была взлохмачена, и он должен был бы казаться милым, но впечатление

производил гнетущее. Как большая печальная собака.

– Он чудовищен, – честно сказала я, скептически рассматривая подарок. – Мартин, у тебя гигантомания? А если он завалится на меня, когда я буду мимо проходить? Я же не выберусь из-под него без посторонней помощи.

Мартин ржал чуть ли не до хрюканья, и я, глядя на него, тоже начала хихикать. Вот ведь дитя великовозрастное.

– Ничего не знаю, – простонал он, вытирая слезы, – был заказан медведь, одна штука. Принимай. Обратно не потащу. Видела бы ты, какими глазами на меня смотрел мой дворецкий. Он и так мирится с моим нестандартным и неподобающим поведением, но плюшевый медведь в спальне его добил. Так что это тебе, моя девочка. Куда тащить? В спальню?

– Упаси боги, – испугалась я, – я если ночью проснусь и его увижу – тут же засну навечно. К тому же он в дверь не пролезет.

Мы оценивающе посмотрели на дверь – в принципе, если развернуть его головой вперед, то можно попытаться. В высоту он точно не пройдет. Каролинке его, что ли, отдать?

Мишка терпеливо ждал решения своей участи. Бобби, прекративший рычать, уже активно знакомился с новым жильцом – нюхал, кусал за бежевые пятки-лапки. Мартин присел, погладил пса по спине – и тут же получил порцию облизываний и собачьих заверений в любви.

– Обрастаешь животными? – спросил он весело. Щенок изворачивался, покусывал его за пальцы. – Конь есть, собака есть. Слона, что ли, тебе подарить?

– Это от Кембритча, – произнесла я тихо и тревожно взглянула на блакорийца. Тот поднял брови:

– Судя по тому, как ты поменялась в лице, я сейчас услышу очередную ужасную историю. Да?

– Да, – сказала я несчастным голосом. Сразу захотелось плакать. И стало страшно.

– Нет-нет, – проговорил он с комичным ужасом, – таким же взглядом на меня смотрела моя бывшая жена, когда сообщила, что бросает меня.

Я молчала, судорожно соображая, как же начать разговор, и на миг в его карих глазах мелькнуло что-то непонятное, как у больного зверя, но тут же скрылось. Он тряхнул головой, улыбнулся широко.

– А как же мой медведь? Посмотри, как он грустит! Нас бросают, Миша!

Он обнял мишку, с трагичным выражением на лице погладил его по бочкообразной груди, а я то ли всхлипнула, то ли засмеялась. Омерзительное ощущение, когда твой друг куда чище и честнее тебя.

– Так, – сказал маг и провел рукой по волосам, – раз предстоит что-то душераздирающее, давай пристроим медведя куда-нибудь, пока он не довел до инфаркта твою горничную. И напьемся под это дело. Есть чудное местечко в Рибенштадте...

Я переоделась, надела полумаску. За это время чудовищный медведь занял свое место в углу, рядом с будуаром, и в гостиной сразу стало просторнее. Бобби решил, что между лап у него теперь новое спальное место, устроился там, покрутившись, и уснул, прижавшись к плюшевому животу.

– Наверное, он думает, что это его мама, – тихо сказал Мартин, погладил песика по лбу и улыбнулся печально. – Скучает, наверное. Совсем мелкий еще. Ну что, – он встал, – готова

к излияниям, неверная?!

– Не готова, – буркнула я. Вот лучше бы он рассердился или обиделся. Тогда бы я не чувствовала себя настолько паршиво. Хотя... разве это про Марта?

– Ничего, – доверительно сообщил мне блакориец, открывая Зеркало, – после третьего бокала вина наступит и готовность. Пошли, девочка моя. И хватит хмуриться, тут пострадавшая сторона вообще-то я, а чувствую себя так, будто что-то натворил.

Ресторанчик напоминал пустое дерево, облепленное изнутри гнездами. И назывался соответственно – «Воронье гнездо». Здание высотой в три-четыре этажа, толстые стены, выложенные разноцветным тусклым кирпичом, жестяная поблескивающая крыша с острым конусом, плавающие на разных уровнях светильники. Посередине – круглый холл, в котором то и дело открывались Зеркала: здесь, как сказал Март, было место, где маги предавались пьянству и чревоугодию. Внизу – никаких столиков, только кухня, удобства и гардероб. А наверху, по стенам, – круглые балконы на разной высоте, к каждому из которых вел либо маленький лифт, если столик располагался высоко, либо узкая винтовая лестница, если низко. Были и огромные балконы для больших компаний, и маленькие со столиками на двоих, все огороженные черными тонкими перилами – чтобы не дай боги гость не пополнил собой ассортимент отбивных.

Наверху шумно гуляла какая-то компания, но в общем местечко было очень комфортным и необычным. И хорошим, свободным. Ненавязчиво и бодро играла народная музыка – скрипка, дудка, гитара, и светильники периодически пускались в пляс в ритме мелодии, буквально на несколько секунд, замирая после этого в новых конфигурациях.

– Эх, – произнес Март мечтательно, после того как галантно отодвинул для меня стул, – сколько раз мы здесь пили и безобразничали... И не перечесть.

– А сейчас почему нет? – любопытствовала я, ожидая, пока неожиданно благообразный официант раскатает передо мной свиток-меню.

– Да... Алекс ушел в ректоры, Макс – в лес, Вики в Эмираты уезжала, а Михей погиб... – Блакориец дернул плечами, и я не стала спрашивать, как это случилось. – Нет ничего постоянного в мире, Марина. Мы все еще самые близкие люди, но у каждого столько обязательств и дел, что встречаться получается очень редко. Это только в последние два месяца обстоятельства так складываются. Вроде и нужно всего лишь только открыть Зеркало, но то у тебя дела, то у Алекса, то у Макса... Этот вообще деревья знает лучше, чем людей.

– А Виктория? – спросила я.

– Она предпочитает встречаться, когда есть кто-то еще, – усмехнулся Мартин. – Я ее достал, увы. Но, – сказал он строго, – вообще у нас вечер твоих исповедей. Я внимательно вас слушаю, ваше высочество. Что случилось? Ты решила сбежать в Инляндию?

Как рассказать всё это человеку, которого страшно боишься потерять? Который для тебя стал ближе родных? Который думает, как ты, смеется над теми же вещами, что и ты, и вы с ним всегда на одной волне? Как близнецы или как сто лет знающие друг друга люди. Мне даже с Катькой никогда не было так хорошо, как с ним.

«Прямо, Марина. Ты же видишь и знаешь, что он воспримет это со своей вечной шутливостью. Будто ему никогда не бывает больно».

– После церемонии, – я вздохнула, решаясь, – он зашел ко мне извиниться. И мы... немного увлеклись.

Фон Съедентент посмотрел на меня с иронией. «Немного – мягко сказано», – скептически вторил взгляду мага внутренний голос. А я продолжала, и хорошо, что на мне была полумаска. Про то, как нас застала сестра. Про ее слова. Про дневной звонок и нахлынувшее снова опустошение.

– Вы готовы сделать заказ? – почтительно осведомился официант, разливая по бокалам красное вино и обеспечивая меня необходимой передышкой. Великие боги, кажется, самой себе вырезать аппендицит куда проще, чем сказать одному мужчине, что предпочла ему другого. Даже если с первым у вас любовь так и не случилась.

Официант ушел; я молчала, наблюдая за пляшущими светильниками. Пьяные маги наверху начали орать песни, а Мартин невозмутимо поднес к губам свой бокал, выпил, налил еще один.

– Прекрасный букет, – сказал он светским тоном. – Старина Вебер всегда держал отличный погреб.

– Мартин, – нервно процедила я, – я тебя сейчас ударю!

– Марина, – произнес он, посмеиваясь, и не было в этом ни показушности, ни игры, – ты так переживаешь, что я просто не могу не поддержать накала этой драмы.

– Я не хочу тебя терять, – призналась я грустно и попробовала-таки вино. Чудесное, с отчетливым яблочным запахом и чуть терпковатым вкусом, напоминающим о позднем лете, когда ветви яблонь покрыты крупными желтыми солнечными плодами и аромат в саду стоит такой теплый, сочный, что не можешь не улыбаться.

– От меня так просто не отделаться, – сообщил мне блакориец доверительно, – я – это навсегда, девочка моя. И это «навсегда», поверь мне, не зависит, проведем мы его в одной постели или нет.

Вино кружило голову, а напротив сидел самый чудесный мужчина на свете.

– Я могла бы тебя полюбить, – сказала я тяжело. – Я даже люблю тебя, Март... но не так, как надо.

– Я бы тоже мог, – пожал он плечами, – но реальность такова, что этого не случилось. Пока не случилось, – добавил он своим злодейским тоном и отсалютовал мне бокалом. И я улыбнулась – ему нельзя было не улыбнуться. – Я не оставляю надежду, что ты, изучив своего Кембритча вдоль и поперек, поймешь, что старый брошенный Мартин – именно то, что нужно твоему израненному сердечку.

– Я чудовище, да? – спросила я невесело. На сердце стало теплее и спокойнее.

– Нет, чудовище сидит у тебя в гостинной, – успокоил меня блакориец со смешком, – а ты просто маленькая влюбленная девочка. С мазохистским уклоном, но кто из нас этого избежал? Успокойся, душа моя, я, когда вас рядом на церемонии увидел, тут же понял, что мне ничего не светит. Я и раньше это знал, но тут... Вокруг вас даже воздух стал таким плотным, что его можно было резать и продавать в бутылочках, как афродизиак.

Снова поднялся официант, невозмутимо расставил закуски, долил вина в бокалы.

– Принесите еще бутылку, – попросил его мой черноволосый друг, и служащий с поклоном удалился.

– Что будешь делать? – поинтересовался Мартин, аккуратно поддевая вилкой ломтик гусяного паштета.

Я пожала плечами. Если бы я знала.

– Твоя сестра ведь права, – сказал маг неожиданно жестко, и я удивленно глянула на него. – Виконтв глазах света – жених Ангелины Рудлог, а ты встречаешься со мной. Двор

жесток, Марина. Всех не заставишь замолчать. Слуги, придворные – да, они не могут вынести сплетню наружу из-за магдоговора. Но внутри дворца им никто не запретит говорить. А у вас бывают гости, которые эти разговоры могут услышать и разнести. И вот из-за этого у меня руки чешутся потолковать с Кембритчем наедине. Он давно не мальчик и не юнец, не умеющий тушить пожар, и должен был понимать, как компрометирует тебя.

– Здесь есть и моя вина, – напомнила я Мартину.

– Да какое там, – он усмехнулся, покачал головой. – Ты же против него как котенок против тигра. В чем тут может быть твоя вина? Он взрослый мужик, ему и отвечать. Ладно, – Мартин отправил в рот очередной ломтик паштета, глотнул вина, – оставим это. Раз мы по-прежнему друзья, отсутствие возможности потискать тебя и поспать в твоей кровати я переживу, хоть и с трудом. Остается только один серьезный вопрос. Подумай над ним хорошенько.

Я выжидающе и напряженно посмотрела на него.

– Что ты хочешь на десерт? – спросил самый невероятный мужчина на свете и захохотал, любуясь растерянным выражением моего лица.

* * *

Если бы кто-то любопытный заглянул этим вечером в спальню принцессы Полины, он бы очень удивился. Потому что счастливая обрученная, коей положено бы пребывать в состоянии тихой эйфории, отослала горничную, врубил аудиосистему и занималась очень странными манипуляциями. А попросту – хулиганила. Время до ужина еще было, и Полли намеревалась провести его с пользой.

Принцесса, напевая что-то бодренькое и легкое, скинула на пол с кровати одеяла и подушки, скептически осмотрела получившееся безобразие. Потопала, пританцовывая, в гостиную, принесла оттуда еще диванных подушек, разложила их аккуратно. Затем встала на край кровати, спиной к получившейся горке, раскинула руки, как птица, и рухнула назад. С воплем.

Полежала, словно чего-то выжидая, похмурилась, глядя на обручальную пару. И начала перетаскивать кучу одеял и подушек к подоконнику.

Второй полет – когда она встала лицом к стеклу и упала назад – сопровождался глухим стуком и сдавленным ругательством. Принцесса ушибла локоть, охнула, поднялась.

– Меня кто-нибудь будет сегодня спасать? – проворчала она, оценивающе приглядываясь к высоченному белому лакированному шкафу с круглыми ручками, расписанному зелеными веточками-листочками, из сплетений которых выглядывали рыжие беличьи мордочки. Шкаф этот она очень любила в детстве – обожала прятаться в нем, играя в свой домик. Шкаф пережил и переворот, и пожар, и, когда Поля увидела его в своей комнате, чуть не завизжала от радости.

Полли еще раз потеряла локоть, вздохнула и потянула охапку перин к шкафу. Белки глядели на нее с неодобрением. Они были свидетелями не перечсть какого количества шалостей.

Принцесса подошла к деревянной громадине сбоку, примерилась, подпрыгнула, уцепилась за край, подтянулась легко и распласталась наверху. Поднялась в полный рост – голова ее почти упиралась в сводчатый потолок спальни, – повернулась спиной.

Шкаф угрожающе скрипнул, пошатнулся, и Полина с визгом полетела вниз, успев испугаться, – но тело само сгруппировалось, да и рухнула она удачно. Перевела дух и захихикала нервно. И не перестала хихикать, когда в поле ее зрения появилось очень суровое лицо ее будущего мужа.

– Проверка связи, – объяснила она Демьяну, вставая на четвереньки и отползая от него к шкафу – на всякий случай.

– Поля, – попросил он ласково, стоя у вороха подушек, – иди-ка ко мне.

– Ты что, сердисься? – спросила она недоверчиво. Бермонт сжал зубы, снял пиджак, начал закатывать рукава светлой рубашки, и Полина на секунду залюбовалась его руками. Но тут же спохватилась: – Демья-а-а-ан... Ну ты же сказал, что почувствуешь, когда я в опасности.

– Иди сюда, Пол, – повторил он спокойно. – Буду тебя воспитывать. У меня ужин с министрами. Был.

– Опять по попе? – со смешливым ужасом поинтересовалась она, отодвигаясь дальше, к ободранной кровати. – За военно-тактические учения? За мой ум и смекалку?

Демьян рыкнул, прыгнул к ней, перехватил, плюхнул животом на кровать, зафиксировал и с удовольствием стал кусать за спину и круглые ягодицы в тоненьких шортиках. Совсем не больно, хоть и чувствительно.

– А-а-а-а-а! – кричала она, отбиваясь и хохоча. – Это нападение! Пощады! Пощады! Это противозаконно!

– Все идеи, – рычал Бермонт угрожающе, кусался и фыркал, когда она ухитрилась двинуть его локтем, – предварительно обсуждать со мной, Пол! Понятно?

Она взвизгивала, пыталась уползти вперед по матрасу, дергала ногами и заливалась смехом.

– Поля! – он стянул с нее шорты, обнажая торчащую вверх многострадальную попу, прикусил, порывал в упругую кожу, потерялся щекой и вдруг лизнул. Невеста настороженно затихла.

– Все идеи, – повторил Демьян грозно, низко и добавил совсем другим тоном: – Я ведь испугался за тебя, Полина.

Смеяться расхотелось, и стало стыдно: она дурачится, дергает его, будто он не правящий монарх, а ее верный пес. Но приятно было тоже, да. Что в любой момент он придет на помощь, бросив все дела.

– Ладно, – буркнула Поля в матрас, сердясь теперь на себя и не желая, чтобы он уходил, – уж очень хорошо было под его крепким и горячим телом, – иди к своим министрам.

Демьян осторожно поцеловал ее в спину, натянул шортики, поднялся. Пол перевернулась, оперлась на локти, глядя на своего жениха снизу вверх.

– Извини, – попросила она, ухитряясь выглядеть одновременно виноватой и надутой.

– Я привык, – отозвался он, надевая пиджак и с усмешкой глядя на этого обиженного соблазнительного ребенка. – Будь хорошей девочкой и не натвори ничего больше до ночи. Я приду, проверю.

– Я буду очень, очень хорошей, – с жаром заверила его Полина, поглядела недолго на место, где он только что стоял, вздохнула – от смеха она вся взмокла и живот заболел – и стала приводить кровать в порядок.

Тревожный разговор, начавшийся в королевской трапезной замка Бермонт после

исчезновения монарха, затих, стоило ему появиться у длинного, пышно накрытого стола. И выглядел его величество почти так же спокойно, разве что волосы были в беспорядке.

– Прошу извинить мое отсутствие, господа, – невозмутимо сказал Демьян Бермонт, садясь на тяжелый стул, – мы проводим учения, и срочно потребовалось мое присутствие. Господин Инсофт, я хотел бы отметить ваши успехи в природоохране. Каким образом удалось сократить вырубку лесов?

* * *

А вот принцессе Алине было не до смеха. Она пыталась отжаться под суровым взглядом сержанта Ларионова и раз за разом, пыхтя, падала на пол тренажерного зала. Всю прошлую неделю она филонила, но сегодня, после того как гости со стороны Полькиного жениха уехали, в ней заговорила совесть, и ее умное высочество позвонила своему наставнику, робко поинтересовавшись, не занят ли он и не мог ли бы провести с ней тренировку сегодня.

– Я уж думал, вы спеклись, – сказал старый вояка в трубку и тут же покаялся: – Извините, ваше высочество! Виноват! Думал, не позвоните уже. Конечно, давайте потренирую вас. Раз есть задор – нужно!

– Ой, – сообразила Алинка, – воскресенье ведь. Вы же выходной, наверное?

– Никак нет, – отрапортовал Ларионов, – то есть да, но я живу в казарме и рад буду, ваше высочество!

Алина, чувствуя себя героиней, переоделась, прошла в зал – и тут все геройство кончилось. Примерно на тридцатом приседании.

– Вы же меня должны защищаться учить, – произнесла она дрожащим голосом, когда закончилась разминка, и сержант скомандовал: двадцать кругов по залу.

– Пусть сначала на ваши косточки мяско нарастет, ваше высочество, – бодро отозвался сержант, – потому что защищаться вы сейчас можете, только припустив как следует прочь от врага. Так что бегом марш! Если не будете отлынивать, то как раз недели через две начну вам стойки и нырки показывать.

Алина послушно потрусилла мимо чернеющих окон и дальше по кругу, думая: удивительно, что никто не изобрел магнастойку для ускоренного роста мышц и прибавления сил. И надо бы почитать о свойствах трав – может, есть где-то решение ее проблемы?..

* * *

– Твоя настойка – чудо, – с чувством произнес Алекс Свидерский, выглядевший заметно крепче. Уже не дистрофичным, а просто стройным, с небольшими валиками мышц под кожей. Он коротко остриг волосы, убрав седые пряди, и стал казаться совсем молодым со своим светлым ежиком и тонким телом.

– Ты ее литрами, что ли, пьешь? – бледный Тротт оглядел друга, раздраженно пощелкал пальцами по прикроватной больничной тумбочке. – Не больше трех раз в день по глотку, Алекс, иначе растащит, начнет жир откладываться.

Инляндец страдал от боли, от безделья, от того, что лаборатория простаивает – а ему, чтобы восстановиться до состояния, когда он может управлять потоками даже простейших

настроек для зелий, нужно было еще дня два. Или три. Не прибавлял хорошего настроения и поблескивающий золотом орден, лежащий на тумбочке. Он так и не прикоснулся к нему с утра и едва сдерживался, чтобы не попросить запуганную медсестру выкинуть его в мусор.

– Тебе что-нибудь еще нужно? – спросил Свидерский, оглядывая палату и задерживая взгляд на аккуратно выставленных на тумбочке флаконах с регенераторами и усилителями и пачке шприцов в стерильных упаковках. – Кажется, мы скоро к тебе всю лабораторию перетащим.

– Несколько жалких склянок, – процедил Макс, – но мне этого недостаточно. Если хочешь помочь, возьми у меня в секции а-три антидемонический репеллент и принеси сюда.

– Зачем? – удивился ректор. – Рудакова и Яковлеву в среду перевели в камеры Управления. Или, – он нахмурился, – ты что-то чувствуешь?

– Ничего, – хмурясь, нехотя объяснил Тротт. – У репеллента есть побочное действие – он ускоряет метаболизм. Раз я не могу над восстановителем поработать, буду восстанавливаться тем, что есть. Сходи, Данилыч. Сейчас сможешь?

– Смогу, – кивнул Алекс. Посмотрел на друга внимательно и ушел через Зеркало. А Тротт, стиснув зубы, встал и побрел в ванную комнату.

С утра, сразу после завтрака, который он проигнорировал, и осмотра, на котором он в очередной раз жестко пресек попытки врача удержать его от инъекций неизвестных лекарств, к Максусу зашла взволнованная медсестра и робко сообщила, что через двадцать минут ему нанесет визит ее величество королева Василина. И что, если лорд Тротт желает, она может помочь ему переодеться и сесть.

– Ничего не нужно, выйдите, – сухо сказал Макс ей, и она с облегчением удалилась. Наверное, в отделении будет праздник, когда его выпишут. Впрочем, его это не волновало. Напрягала предстоящая встреча с Василиной Рудлог. Сейчас, когда он был совсем слаб и силы было немного, это было крайне опасно.

И не зря он беспокоился: когда королева вошла в палату в сопровождении мужа и младшей сестры, старающейся не показывать, насколько она волнуется, Тротт – бесконечно уязвимый без своих щитов, которые он обычно носил не снимая, – сразу ощутил жар и притягательность ее ауры. И даже испугался – когда правительница поздоровалась от двери и направилась к нему.

– Ваше величество, – с трудом попросил он, пытаясь поставить хотя бы один слабенький щит, – простите меня, но у меня повреждены нервные окончания, отвечающие за зрение. Я не смогу увидеть вас, если вы будете ближе чем в десяти шагах от меня.

Королева, к его облегчению, остановилась, улыбнулась мягко, оглядела его своими чудесными голубыми глазами – точно такими же, как у ее матери. Произнесла: «Конечно», – и отошла к стене у двери. Села на предложенный принцем-консортом стул и завела светскую беседу. О том, как она сожалеет, что лорд Тротт по состоянию здоровья не смог посетить пятничный прием. О том, как дом Рудлог ценит его неоднократную помощь и благодарен за спасение ее высочества Алины.

Настороженная ее высочество с неловкостью поглядывала на своего несостоявшегося преподавателя и то ли побаивалась, то ли все еще была обижена, но в пытке, именуемой разговором, участия не принимала. Только подошла к его кровати, пролепетала, стараясь, чтобы голос звучал твердо: «Примите мою сердечную благодарность, лорд Тротт», – и положила на тумбочку проклятый орден.

Глупая навязчивая девица, которую он чуть не убил однажды. Хотя Макс почти не

замечал ее – все внимание было сосредоточено только на том, чтобы удержать щит. И руки начинали трястись, и в глазах снова прыгали красные пятна, а он отвечал вежливо, благодарил, кивал – и чувствовал, что еще немного – и все рухнет.

К его счастью, посетители не стали задерживаться. И Макс, в очередной раз обессиленный, смог выдохнуть, только когда за королевой закрылась дверь.

После ухода Алекса, принесшего препарат, профессор Тротт аккуратно откупорил флакон с репеллентом, набрал прозрачную жидкость в шприц – и воткнул его в бедро. И заснул почти сразу, твердо решив, что завтра выпишется и продолжит лечение на дому.

Начало ноября, понедельник, Иоаннесбург

Второй железнодорожный вокзал Иоаннесбурга, именуемый в народе Подковой – за дугообразную форму темного здания, охватывающего место прибытия поездов, – дымил, гудел, шумел множеством голосов. Светло-серые платформы, укрытые полупрозрачными козырьками, были заполнены народом. Вечное движение, бесконечный поток жизней и историй: встречи, расставания, слезы и поцелуи, плач и смех детей, громкие голоса носильщиков, таксистов и продавцов всего на свете – от свежей прессы до рудложских сувениров.

Игорь покосился на статуэтки Красного с пожеланиями счастья, на фигурные бутылки с рудложской водкой, у которых толпилась группа туристов из Йеллоуиня, выловил наметанным взглядом карманника, подбирающегося к ним, – тот оглянулся, заметил, что за ним наблюдают, тоже опытным глазом определил полицейского и растворился в толпе. Полковник поморщился: и не хочется, а придется потратить время, заглянуть вечером в вокзальную дежурную часть, составить фоторобот.

– Внимание! – заскрипел искаженный динамиком чуть гнусавый женский голос. – Пассажирский поезд Великая Лесовина – Иоаннесбург прибывает на пятую платформу. Нумерация вагонов начинается с головы состава. Внимание! Пассажирский поезд...

Он поправил воротник пальто, прошел чуть дальше – туда, где должен был остановиться пятый вагон. На платформе уже толпились встречающие – сонные, радостные, торопливо докуривающие и морщащиеся от табачного дыма. Поспешно катили свои тележки носильщики, а вдалеке, там, где пути, изгибаясь, скрывались из виду, уже выезжал к вокзалу состав с красным паровозом, по традиции протрубив приветствие ждущим его людям.

С утра Игорь заглянул к Люджине – она высказала желание поехать встречать мать вместе с ним, – но на стук в дверь никто не ответил. Он прислушался: тонко дребезжал будильник. Открыл дверь – капитан крепко спала, повернувшись на бок, хотя звон казался оглушающим. Горничной видно не было, и он нахмурился, подошел к постели, чтобы найти и выключить орущий механизм.

В комнате сильно пахло лекарствами, было душно, а помощница его прижимала орущий будильник к щеке, крепко зажав его рукой, и не думала просыпаться. И, как выяснилось, спала без одежды – тяжелая, полная грудь с крупными темными сосками ударила по глазам каким-то бесстыдным буйством нагого женского тела. Моргнул неловко: голубоватые вѣнки, просвечивающие сквозь белую кожу, грубый солдатский номерной медальон на цепочке рядом с налитой, сочной, нежной плотью, бритая голова со шрамом, бисеринки пота на виске.

Будильник продолжал звонить, и Игорь вытащил его из-под головы северянки, выключил, повернулся – и наткнулся на сонный взгляд мутных синих глаз.

– Пора вставать, командир? – спросила она медленно и сипло сухими губами. Пошевелила рукой, посмотрела вниз, на свое тело, но не стала прикрываться – снова подняла взгляд, расфокусированный, сонливый: глаза ее то и дело закрывались, как у маленького ребенка.

– Я сам встречу, – сказал Стрелковский твердо. – Спите, Люджина.

Последнего не требовалось – она в очередной раз смежила веки и глубоко задышала. Совсем вымоталась. Вчера с ней работал массажист, потом инструктор по лечебной физкультуре, к вечеру пришел виталист – просканировать и провести процедуры. Вот после виталиста Люджина и свалилась, даже не поужинав. Стрелковский подтянул выше одеяло – и не было у него никакого возбуждения, желания прикоснуться. Просто красиво. И неловко. Может, потому что он уже видел ее тело – когда она лежала, израненная, среди превращенного в щепу соснового леса, и бермонтский виталист пытался завести ей сердце. А может, и не поэтому.

Игорь тряхнул головой, отгоняя привычную тоску, приоткрыл форточку и вышел из комнаты.

Пассажирский поезд, шипя и грохоча, уже останавливался, и проводники открывали двери, выкручивали пандусы. Ручейками потекли из вагонов люди; Стрелковский стоял чуть в стороне, ожидая появления суровой мамы Дробжек.

Женщина, высокая, широкая, в длинном пальто, очень похожая на дочь, с такой же заплетенной вокруг головы черной косой и круглым лицом – на фотографии эта схожесть не была столь разительной, – вышла в числе последних. Яркостью черт и осанкой она сильно выделялась на фоне снующей толпы – настоящая северянка, крепкая. Эта точно может волка удушить, да и с медведем побороться. Наверное, с таких женщин художники-народники рисовали длинноволосых статных красавиц, что парились в банях и купались в прорубях, работали на сенокосах или взнуздывали дико косящих глазами жеребцов.

Женщина сразу зацепилась за него взглядом, присмотрелась, кивнула, и он пошел навстречу.

– Анежка Витановна, доброе утро, – поздоровался полковник, принимая тяжелые сумки.

– Доброе, – согласилась старшая Дробжек, осматривая его с ног до головы. Хмыкнула и пошла рядом, несуетливо, со спокойным достоинством. И Игорь вдруг пожалел, что не купил цветов.

– Как доехали?

– А что тут ехать? – ответила северянка, рассматривая здание вокзала. – Вечером села, легла спать, утром проснулась – уже столица. У соседки девица растет смышленная, приглядит за домом и скотиной. Как Люджина?

– Скоро сможет ходить, – уверенно сказал Игорь Иванович. – Уже рвется.

– Построже ты с ней, – сурово произнесла волчья погибель, и Игорь улыбнулся, – на месте ей ой как трудно усидеть.

В машине гостя не болтала много, разглядывала дома, улицы, и он, подумав, специально сделал крюк, чтобы проехать мимо площади Победоносца и дворцового комплекса. Показал внимательно слушающей его Анежке Витановне Зеленое крыло, мелькающее сквозь деревья парка, рассказал о награде, врученной королевой.

– Ее величество по телевизору такая красавица, – охотно поддержала тему его собеседница. – А я ведь ее мать видела, – поделилась она, – когда она была совсем еще девочкой. С королем Константином приезжали в Лесовину, я тогда только-только Люджинку родила, они к нам в роддом приходили. Тоненькая была, как тростиночка, и глазища на поллица; лет четырнадцать ей было, а уже величественная, ровно богиня. Приветливая такая, светлая, как солнышко теплое. Надо же, надо же. Не верила я, что моя богатырша будет при

королевском дворе работать. Хотя она всегда сюда рвалась. А уж когда этот переворот случился...

Она вдруг замолчала, нахмурившись.

– Ты, Игорь Иванович, почему Люджину у себя поселил?

Вопроса Стрелковский ждал, поэтому ответил без запинки:

– Ей так лечиться удобнее, а мне – присматривать. В общежитии ей бы трудно было. Вы не переживайте, Анежка Витановна, все приличия соблюдены. У нее отдельная комната на другом этаже.

– Приличия, – хмыкнула Дробжек, посмотрела на него искоса. – К честной женщине грязь не прилипает. Пожалел, значит?

Он пожал плечами, свернул на улицу, где стоял его дом.

– Скорее, искупаю свою вину, – сказал Игорь после паузы.

– Перед Люджинкой? – удивилась Анежка Витановна. – Так она боевой офицер, уже трепало ее. Привычная. Только мне никак не привыкнуть, – вздохнула она горько и очень по-матерински.

– И перед Люджиной тоже, – подтвердил Игорь Иванович и снова удостоился внимательного оценивающего взгляда.

Он довез гостью до дома – Люджина все еще спала, и ее мать, как-то вдруг посерев и постарев, без слов села на стул у кровати, погладила дочь по голове с темным ежиком отрастающих волос. Полковник, снова почувствовав неловкость, извинился тихо, сказал, что ему нужно на работу, что горничная и подготовленную комнату покажет, и завтрак принесет – и вообще, чувствуйте себя свободно, – и уехал.

Капитан Дробжек проснулась только через четыре часа. За это время ее мама успела и позавтракать, и разобрать сумки с гостинцами, и обойти дом и сад – экономка предложила показать, а она даже не подумала отказываться. И все хмурилась и качала головой, размышляя о чем-то своем, печальном. И только больше помрачнела, когда сопровождающая с гордостью поделилась новостью, что ее хозяин теперь имеет графский титул и большое имение, куда они вскорости обязательно поедут.

Горничная принесла обед на двоих в комнату Люджины и удалилась тактично, чтобы не мешать разговору. А разговор был тяжелый.

– Возвращалась бы ты домой, – говорила Анежка Витановна, глядя, как дочь ест суп, прислонившись к спинке кровати. – Изведешься ведь вся. Там лес, воздух чистый, мужики нормальные, а не как этот... жизнью побитый.

– Мам, ты же знаешь, – спокойно отозвалась капитан, – не поеду.

– Дура ты, Люджинка, – вздохнула старшая Дробжек, – да я такая же была. Уж как верила, что твой отец меня только за мою любовь в ответ полюбит. Ан нет, не случилось. Он знает?

– Догадывается, скорее всего, – сдержанно ответила дочка.

– И что? – грустно спросила Анежка Витановна, подперев щеку кулаком.

– Ничего, – коротко сообщила Люджина, отправляя в рот очередную ложку супа.

– А если так и будет ничего?

– Мам, – с укоризной попросила капитан, – ну не мучай ты меня. Для меня чудо, что я вообще с ним работаю. Вот, – усмехнулась невесело, – в дом свой меня привел. Дай мне хотя бы надеяться.

Мать сумрачно покачала головой, поглядела на вязание, лежавшее на одном из стульев. Уже угадывался будущий свитер: спинка была связана полностью, грудь – наполовину.

– Ему вяжешь?

– Да, мам. Пальцы надо разрабатывать, почему бы и нет?

Анежка Витановна снова тяжело вздохнула.

– Обидит он тебя, дочка, боюсь я за тебя. Как ты по Лесовине носилась после переворота, всё его выискивала... Эх, девка, девка. Я все надеялась, что ты познакомишься ближе и поймешь, что не твой он человек.

– Мой, – ответила Люджина твердо. – Сколько позволит, столько буду рядом, мам. И я говорила, я точно его тогда на патрулировании в машине видела. Хотела найти, укрытие предложить... Ты не переживай, я же сама вижу, что не нужна ему. Думаешь, буду навязываться? И ему будет неловко, и мне. Ему вообще никто не нужен, мам. Закрытый он, никого в душу не пускает. Вроде и шутит иногда, а взгляд тяжелый, пустой.

– Горюшко ты мое, – расстроилась старшая Дробжек. – Дурная, вон какая вымахала, а все о принцах мечтаешь.

Капитан фыркнула, засмеялась.

– Он не принц, он граф, мам.

– Да какая разница, – махнула рукой ее родительница. – Ладно, ты ешь, набирайся сил. А я тебе пока узор один покажу – вроде ничего сложного, а получается душевно и красиво.

Анежка Витановна Дробжек

Полковник Стрелковский, посетив утреннее совещание, прошедшее на редкость мирно, ушел к себе в кабинет и снова начал просматривать дела заговорщиков. Под воздействием штатных менталистов они рассказали все, что знали, — за исключением информации о таинственном Романе Соболевском, который засветился и в деле малолетних демонят и которому так некстати снесли голову. И, по иронии судьбы, убийца лидера заговора мог бы пролить свет на его личность — но на данный момент был не в состоянии это сделать.

Игорь колебался, но все-таки набрал телефон терапевтического отделения королевского лазарета.

— Стрелковский, Управление, — представился он. — Подскажите, лорд Тротт еще проходит лечение? Да, да. Хм. Спасибо. Не выписывайте пока, я буду через десять минут. Нужно поговорить.

Через указанное время он уже стучался в палату к инляндцу. Тот сидел на койке, натягивая ботинки, и вид у него был крайне недовольный.

— Профессор, — без предисловий обратился к нему Игорь Иванович, и Тротт, недоуменно вскинув брови, поморщился, словно говоря «Ну а вам-то что еще нужно?». — Я не займу у вас много времени. Требуется ваша консультация.

— Слушаю вас, — нелюбезно ответил инляндец. Но ботинки оставил в покое.

– Дело в том, что у нас проблема. Есть порядка пятнадцати человек, на которых стоит блок вроде того, что вы снимали недавно. И двое темных, которые не могут дать необходимую информацию из-за такого же запрета.

– Я сейчас не способен к чтению, – раздраженно пояснил профессор очевидное.

– Я это знаю, – невозмутимо сказал Игорь. – Но, быть может, вы можете посоветовать адекватного менталиста, имеющего понятие о государственной тайне и равного вам по силе?

– Равного не посоветую, таких нет, – буркнул Тротт без какого-либо самодовольства, как саму собой разумеющуюся информацию. – Из тех, кто не получит insult от ловушки, могу предложить только Ксантиппу Эсперис, серенитку. Если она соизволит выехать с острова, а она этого очень не любит. Но к демонам даже ее нельзя подпускать. Или попробуйте договориться с Алмазом Григорьевичем. Но до него не добраться, как и до любого из старшей когорты – Черныша, Лакторева, Инидис, Ли Сой. Вьертолакхнета тоже можете добавить к этому списку, кстати. Любой из них может помочь вам, но вряд ли возьмется. И последний вариант – запросите помощь у Йеллоувиня. Кто-то из старших прямых потомков Желтого Ученого Разума вполне способен сломать защиту. А у императора много детей.

Игорь задумался: из всех вариантов самым реальным казалось приглашение Алмаза Григорьевича Старова. Родовитые серенитки в работе были капризны, а делиться информацией с другим правящим домом представлялось возможным только в крайнем случае.

Пока Стрелковский думал, лорд Тротт, стуча каблуками ботинок по плитке пола, ушел в ванную, долго плескался там, вышел заметно посвежевший. Но все равно выглядел он очевидно нездоровым. Как человек, перенесший сильный грипп.

– У вас все? – нетерпеливо спросил профессор, аккуратно надевая пиджак.

– Да, – рассеянно ответил Стрелковский. – Лорд Тротт, если никого найти не получится... Через какое количество времени вы будете в состоянии помочь нам?

Тротт посмотрел на него как на идиота. Впрочем, он на всех так смотрел, и Игоря это не смутило.

– Игорь Иванович, я очень занятой человек. У меня катастрофически простаивают несколько проектов. Назовите мне причину, по которой я должен отложить их и помогать Управлению. Вы знаете, – добавил он мягче, – как бесконечно я благодарен за вашу помощь в прошлом, но для того чтобы в очередной раз рисковать здоровьем и дееспособностью, я хочу услышать весомый аргумент.

– Я буду должен вам услугу, – пообещал Стрелковский. Макс скривился, застыл, что-то обдумывая.

– Что вы планируете делать с демонами?

– После допроса они перейдут в отдел маграсследований. А там, сами знаете... от десяти до пятнадцати лет изоляции с запретом использовать магию.

– Есть возможность отправить их в монастырь Триединого, минуя отдел? – поинтересовался Тротт.

– Вам какой интерес? – осведомился Игорь с недоумением.

– Это в ваших интересах, – сухо ответил природник. – Любая изоляция не абсолютна, в результате они снова напитаются, и вы получите на выходе двух разрушителей, свихнувшихся от одиночных камер. В монастыре темных блокирует среда, а священники учат справляться с жаждой. Что до меня – считайте, мне их просто жаль.

Он с насмешкой посмотрел на Стрелковского, с явным скепсисом выслушавшего его

«жаль», и продолжил:

– Так что, если не удастся договориться ни с кем из коллег, я могу начать в конце этой недели. Но за демонов возьмусь не раньше следующей, уж извините.

– Я не имею права принимать решения о дальнейшей судьбе Рудакова и Яковлевой, – медленно проговорил Игорь. – Но я поговорю с Тандаджи. И позвоню вам. Если дадите свой номер.

– Записывайте, – холодно ответил Тротт и продиктовал номер. – Я принимаю звонки с семи до половины восьмого утра и с шестнадцати до шестнадцати тридцати. В другое время звонить бесполезно. Кстати, как ваша напарница? Коллеги мне рассказали, что она ранена.

– Вам она понравилась, профессор? – небрежно осведомился Игорь, сохраняя номер в телефоне, и инлиандец улыбнулся бледными губами, словно забавляясь.

– Я спросил из вежливости, Игорь Иванович. Однако, если вы решитесь, могу предложить ей свои регенераторы и стимуляторы. Подумайте. Поздравляю вас с титулом, кстати. Всего хорошего, полковник.

– Спасибо, – пробормотал Игорь сдержанно. – Я подумаю. И вам всего хорошего, профессор.

Майло Тандаджи, когда Игорь заглянул к нему, распекал двоих сотрудников. Бледные и взвинченные, они стояли, вытянувшись, и на лицах у них было написано только одно желание – чтобы их отпустили из этой камеры пыток побыстрее. И на Стрелковского, прервавшего монотонное втаптывание в пол агентов, упустивших организаторов контрабанды оружия, они посмотрели как на спасителя.

– Извините, господин полковник, – вежливо произнес Игорь Иванович, – я позже зайду.

– Оставайтесь, господин полковник, – в тон ему ответил начальник разведуправления, и его черные глаза насмешливо блеснули, – я уже закончил. Идите, господа, и чтобы к вечеру у меня были предложения о том, как вы собираетесь исправлять вашу ошибку.

– Так точно, – с облегчением подтвердили проштрафившиеся и поспешили удалиться, пока командир не передумал.

– Присаживайся, Игорь Иванович, – предложил Майло, а сам встал, неторопливо подошел к аквариуму покормить рыбок. – Ты по делу или соскучился?

– У меня сегодня удивительное утро, – сообщил Стрелковский, наблюдая за отчаянно бьющимися за крошки корма обитателями аквариума.

– У меня тоже, – поделился Тандаджи недовольно. – Вычислил я гаденьша, что сливал информацию о наших проверках в финансовых кругах. Ибрагимов, замначальника оперативной группы. Два года уже работал и все это время за нескромные суммы помогал заинтересованным лицам избегать проблем с Управлением безопасности. Работал через посредника, поэтому наши заговорщики его назвать и не смогли.

– И как узнал? – заинтересовался Игорь. – Счета проверял?

– Ну конечно, – сухо ответил тидусс, отряхивая руки – рыбки с надеждой следили за его движениями. – Поверить не могу, что два года у меня работал такой тупой сотрудник. Даже не на жену или кого-то из родственников, полковник, – на себя зарегистрировал.

– А как обошел магзапрет? – спросил Стрелковский, снова разворачиваясь – начальник сел за стол, зашуршал папками.

– Он в полиции до этого служил, его купили еще там, – буркнул Майло. – С ними и подписал договор, скрепленный магически. Сам знаешь, более ранний перебивает поздний.

А потом попал к нам. Как особо ценный и ответственный сотрудник. Вот, сидит этот сотрудник в камере, показания дает. Клянется, что только о проверках предупреждал, сотрудников не сливал. Ну, менталист проверит, – удовлетворенно закончил он. – А у тебя что?

В дверь постучали, и на пороге появился одетый в военную форму принц-консорт Байдек. Поздоровался кратко, спросил, есть ли возможность пообщаться касательно заговора.

– Конечно, ваше высочество, – невозмутимо ответил Тандаджи. – Прошу вас, присаживайтесь. Собственно, я сам хотел вам звонить. Как раз получится мини-совещание. Игорь Иванович, что у вас? Есть подвижки с поиском менталистов?

Стрелковский кивнул и рассказал о разговоре с Троттом и предложенных вариантах.

– Теряем время, – монотонно подвел итог Майло. – И этот инляндец меня смутно беспокоит, несмотря на то что и ты за него ручаешься, и Свицерский, и на то, что он уже нам помогал. Отпустить темных в монастырь несложно, все равно после читки они уже не нужны будут. Но я не понимаю его мотивов.

– Он просто странный, – пожал плечами Игорь. – Гений, немного псих. Кто знает, что за процессы происходят в его голове? Но свои принципы у него есть, надо отдать должное. И молчать он умеет. Да и дело его глянь – чист как младенец. Для человека, который своими руками убил двоих демонов, из них одного – у меня на глазах много лет назад, он удивительно спокоен.

– Это-то и настораживает, – возразил ему Тандаджи.

– Я у вас тоже на подозрении, господин полковник? – с иронией осведомился Байдек. – Как и все граждане, не совершавшие ничего противозаконного?

– Нет, ваше высочество, – совершенно серьезно ответил тидусс, – у вас есть слабости и эмоции. А вот человек без них точно что-то прячет. И чаще всего совсем не безобидное. Впрочем, выбора у нас нет, правильно я понимаю, Игорь?

– К вечеру скажу точно, – кивнул Стрелковский. – Желтых сразу отсекаю, а по остальным отработаю. Но, боюсь, выбора у нас действительно не будет.

– Майло, – подал голос Байдек, и мужчины посмотрели на него, – у меня тоже новость. С утра мои ребята привели ко мне няню нашего детского сада. Сама пришла сдаваться. Дрожала, лепетала, и из ее невразумительной болтовни я понял, что это она маршрут сдала. Не специально, по дури. И магзапрет не нарушила де-факто. Три недели назад с ней познакомился мужчина. Богатый и красивый, как она утверждает. На работу отвозил, после работы забирал... Правда, фамилии его не знает. Пропал сразу после того, как мы обнаружили слежку. Вот она все ждала его, ждала, звонила – трубка выключена; затем хватило ума сложить два и два и прийти к нам. Оказалось, она просто при нем несколько раз звонки делала – например, уточняла, без указания деталей, едут ли они в детский центр завтра. А там уже от ворот отслеживали.

– Ты ее мне отдай, барон, – очень настойчиво и мечтательно попросил Тандаджи, – а мы уже проверим, сколько в ее словах правды. Может, испугалась и так решила себя обезопасить.

– Мои закончат допрашивать и приведут в Управление, – согласился Байдек, но как-то невесело. – Меня беспокоит только одно – широчайшая сеть замешанных, Майло. Мог ли один человек все это организовать? Этот Соболевский? Или с ним, а то и над ним был кто-то еще?

– Выясним, ваше высочество, обязательно выясним, – пообещал тидусс с каменным

лицом. – Расслабляться точно рано. Вот Игорь Иванович найдет нам специалиста, и сразу все выясним. В любом случае один вариант уже есть. Остается надеяться, что наш защитник юных демонов быстро придет в форму.

Обсуждаемый Тротт тем временем получил документы на выписку из рук степенной дежурной, от нее же – очень искреннее пожелание долечиться и беречь себя, чтобы к ним больше не возвращаться, но даже не стал раздражаться – вышел на крыльцо лазарета, поежился непроизвольно от холодного ноябрьского ветра и позвонил Марту.

– Приветствую немощного! – жизнерадостно заявил тот в трубку. – Соскучился, Малыш, по папке-то?

– Мне нужно транспортное средство, – невозмутимо ответил инляндец, – а кто, кроме тебя, осла, на эту роль подходит? Забери меня из больницы, Март. Не хочу Алекса дергать.

Фон Съедентент хохотнул, ничуть не обидевшись на обзывательство.

– Я вообще-то тоже на работе, Малыш.

– Не кокетничай, Март, – поморщился Макс, – блакорийский двор на тебя плохо влияет. Я же не с бабы тебя снимаю.

– Тебя тут залечили так, что ты о бабах стал думать? – озадаченно спросил фон Съедентент, выходя из Зеркала с прижатым к уху телефоном. Природник отключился и тут же попал в крепкие объятия друга. Тот постучал его по спине, стиснул – Макс терпел, даже пару раз снисходительно стукнул его в ответ.

– Как восстановление? – поинтересовался барон, оглядывая бледнющего Тротта.

– По нарастающей, – буркнул инляндец, – но пока не хочу тратить силы. Было очень трогательно с тобой пообниматься, Кот, но я хочу домой.

– Ты чудовище, знаешь это? – фыркнул блакорийский придворный маг, открывая очередное Зеркало.

– Знаю, – ровно ответил Тротт, выходя в свою гостиную. Поморщился, сразу пошел в лабораторию.

– Я здесь на цыпочках крался за препаратами, только чтобы не увидеть твоей кривой рожи, – сообщил Мартин, следуя за ним. – И все равно ведь знаю, что будешь бухтеть.

Лаборатория была запылена, часть секций с ящиками выдвинута, на полу явно виднелись следы ботинок, и владелец дома выразительно глянул на друга.

– Это Алекс, – наябедничал барон с ухмылкой. – Смотри, совсем не мой размерчик. – Он приставил ногу к следу, шагнул назад – отпечатки совпали до последнего изгиба подошвы. – Надо же, и ботинки мы носим одинаковые... Ну хватит смотреть, как будто ты меня отшлепать хочешь, Макс, – глумился Мартин, – а то я сейчас со страху на тебя стазис кину.

Губы инляндца дрогнули, он покачал головой.

– Иди отсюда, а? И... спасибо, Март, – сказал он, когда фон Съедентент уже шагнул в Зеркало.

Есть не хотелось, и Макс, переодевшись, пошел отмывать лабораторию. И подошел к этому делу со всей своей педантичностью и основательностью. Поэтому, когда он разогнулся и оглядел сверкающее рабочее место, организм недвусмысленно напомнил, что перенапрягаться не стоило – закружилась голова, и инляндец прислонился к стене, пережидая приступ. Накатила слабость, но Тротт еще сходил в душ и после, голодный и уставший, свалился в кровать.

И только когда очнулся, понял, что так и не попросил Марта поставить щиты.

Он висел, прикованный за руки, в темной камере, сырой, провонявшей запахами горячего железа, боли, крови и пота. Было так темно, что глаза не сразу стали выплывать детали: тяжелая решетка, закопченная, массивная, вместо одной стены, холодный каменный пол, округлая жаровня с едва тлеющими углями, маленький стол с выложенными аккуратно кнутами, ножами, огромными щипцами, стул у стены напротив. Где-то за решеткой, в коридоре, вне поля его зрения, горел факел – чуть колыхались тени, и слышались тяжелые шаги стражи.

Затем пришла ослепляющая боль, и он выгнулся, не заорал – замычал глухо, чуть ли не кроша зубы в пыль, кусая сухие губы и дыша тяжело.

Нельзя кричать. Если он правильно понял, куда попал, следующего визита хозяев этой пыточной камеры он, скорее всего, не переживет.

Боль не давала думать, не давала запустить лечение, плескала волнами по обожжённым ногам, по спине, щипала открытые раны за лопатками, накатывала все с большей яростью, пока он снова не потерял сознание.

Очнулся все там же, в той же дурно пахнущей темноте. Тело регенерировало медленно, хотя кто знает, сколько он был в отключке? Может, минуту, а может и часы. Можно было бы уйти наверх, в свой мир, но кто гарантирует, что тот, в чьем теле он сейчас находился, выберется сам?

Пошевелил затекшими руками, ногами, стараясь не стонать от простреливающей боли, проверяя целостность сухожилий – могли и подрезать, чтобы обезопасить себя. Пол казался ледяным – или это он пылал жаром? Заражение крови как минимум, ну и воспаление легких до кучи. Это если не считать множественных ожогов, рассечений, гематом и порезов. Били его, похоже, долго и старательно – один глаз почти ничего не видел, и нос был сломан, и губы были распухшие, с содранной кожей, и в ушах звенело. В груди царапало до спазмов, хотелось кашлять, и тело крутило, покрывалось потом, слабело – организм старался восстановиться и забирал последние силы.

Едва сдерживаясь, чтобы не провалиться в забытие, пленник все-таки смог нащупать Источник. Неожиданно слабый, мерцающий. Как всегда, ощутил ужас и бесконечную, раздирающую на части любовь, и снова накатила волна невыносимой боли, заставляющей корчиться, судорожно сглатывать сухим ртом комки запекшейся крови и терпеть обжигающие солью слезы. Кожа горела, будто ее натирали на терке, сердце заходило в спазмах, и в горле жгло от поднявшейся желчи. Он терпел, сколько мог, слушая шаги в коридоре – только бы не заглянули, только бы дали ему время – пока его не начало тошнить. Дернул головой и снова потерял сознание.

Через два часа в камеру вошли трое. Услужливо горбящийся старик с факелом и ведром воды – ведро он поставил на пол, закрепил копящийся и потрескивающий светильник в кольцо на стене и стал разжигать жаровню. Тяжеловесный пожилой мужчина в странной кожаной одежде, темно-зеленой, будто пошитой из широких ремней, с коротким мечом на боку. Он подергал цепи, проверил кандалы, брезгливо поднял за подбородок голову заключенного, двумя пальцами раскрыл ему веко, присмотрелся, приложил руку к грязной горячей груди.

– Осторожно, тха Ранши, – тонким голосом остановил его третий, тощий, одетый в какую-то хламиду, – я бы не стал рисковать и приближаться к этой твари.

– Вы и не рискуете, почтенный Урухши, – презрительно ответил проверяющий. – Не перестарались мы? Третьи сутки в сознание не приходит.

– Крылатые твари живучи, – певуче сказал его собеседник, аккуратно устраиваясь на стуле и расправляя мантию. – А этот – особенно. Ледяная вода быстро приведет его в порядок. Приступай, Тарту.

Старик, перебирающий инструмент на столе и что-то напевающий, взял ведро и с удовольствием окатил прикованного у стены человека. Тот задергался, закашлялся с сипом, затряс головой, поднял на присутствующих ошеломленный взгляд, быстро облизываясь – видимо, подышал уже от жажды.

– Снова здравствуй, Охтор, – любезно проговорил тощий в мантии. – Время подумать у тебя было. Мы можем повторить наше развлечение, – он кивнул на старика, вернувшегося к жаровне и выкладывающего на нее тонкие железные пруты, – или ты все-таки согласишься нам помочь?

– В чем помочь? – спросил названный Охтором. Голоса не было, он шептал и хрипел.

– Память отшибли? – поинтересовался его собеседник. – Нам нужен проход.

Память двоилась, подкидывая не самые приятные картинки. Источник утихал, мерцая, и Макс сжал кулаки, переступил босыми ногами. Мужик в кожаной одежде насторожился, подобрался – сразу понятно, что воин.

– Прохода не существует. А если бы и был – вам не выжить там, – сказал пленник с усилием и снова закашлялся, сплюнул крупный сгусток крови, облизнул губы. Глаза его лихорадочно блестели.

– Это уж не тебе судить, – с любопытством глядя на дергающегося в цепях заключенного, пропел своим фальцетом тощий. Он, что ли, владелец этого места? – Армия Тха-ора непобедима. И тха-но-арх очень недоволен, что до сих пор никто из вас, старших, не попался нам. Кроме тебя. Ну что, так и будешь молчать? Неужели смерть предпочтительнее?

Макс едва не рассмеялся, но смех перешел в спазмы и кашель, заныли ноги, скручиваемые судорогой, и от стоп вверх пошло тепло. Кандалы изнутри стали покалывать запястья, едва заметно посыпалась коричневая пыль. Он откашлялся и замолчал, сосредоточившись. А его собеседник снова раздраженно поправил мантию, успокаиваясь, и приказал:

– Начинай, Тарту. Нашему другу нужен стимул для беседы. Мы ведь можем бесконечно доводить тебя до грани, Охтор, – говорил он, любясь раскаленным до красноты прутом, который старик взял рукой в толстой перчатке. – У нас еще есть время. И рано или поздно ты будешь умолять, чтобы мы разрешили тебе помочь нам. Все умоляют. Только попадались пока одни слабаки, не способные открыть проход. Какая редкая удача – получить тебя!

Старик с мерзким, трясущимся от сладострастия подбородком и совершенно безумным взглядом подошел ближе, протянул руку: сначала Макс услышал шипение, затем ударила боль – он дернулся назад, захрипел, заорал беззвучно сорванным горлом. Палач отдернул руку, поглядел на ожог, снова приложил, скалясь и облизываясь на бьющегося пленника. Почмокал расстроено губами – прут остыл, – пошел за следующим. Тротт тяжело дышал, изгибался в цепях, и кандалы ходили туда-сюда, натирая запястья до крови.

– Откроешь проход? – спросил тот, что в мантии.

Макс молчал. Поймал настороженный взгляд воина, закатил глаза, сжался, чувствуя, как

щиплет свежие ожоги стекающий по телу болезненный пот. Старик уже подходил со вторым прутом, и пленник пошевелил запястьями, толчками направляя туда стихию. Совсем немного времени не хватило. Совсем чуть-чуть.

Снова зашипела плоть, Макс дернул руками – посыпались хлопья ржавчины, и он оказался на свободе. Перехватил тонкую кисть старого психа, сломал ее с наслаждением – палач только крикнул изумленно, со всхлипом, глядя на дымящийся прут, торчащий из его груди, и рухнул, опрокидывая жаровню. Тихо, сосредоточенно метнулся к пленнику воин, поднырнул сбоку, ударил мощно в бок, да так, что наверняка треснули ребра, вывернул ему руку, пытаясь уложить лицом на пол, – Макс изогнулся, двинул затылком в подбородок, развернулся, и впечатал ладонь в кадык, кулак – в печень, и со всей силы приложил противника пяткой по колену. Тот упал, захрипел, держась за ногу, а Тротт уже шел к столу с выложенными на нем «инструментами».

Тощий, судорожно пытающийся попасть ключом в замок, оглянулся, засуетился, затряс решетку, закричал тонко – и замер, булькнул что-то, падая: из спины его торчал нож.

Воин с выбитой коленной чашечкой плевался кровью и хрипел на каменном полу, пытаясь достать из ножен меч, мерцали рассыпавшиеся из жаровни угли, накрытые телом упавшего старика, и тек по темнице отвратительный сладкий запах паленой плоти. Тротт подошел к ведру – там, на дне, оставалась еще вода, совсем немного, – и стал жадно пить, наблюдая за отползающим к решетке единственным оставшимся в живых.

– Где я? – спросил он, подходя и пинком отбрасывая от противника меч. – Где моя броня?

Воин дико глядел на него снизу, сипел, стараясь позвать на помощь. Макс наступил ему на горло.

– Я дам тебе легкую смерть, – сказал он. – Где я? Где моя броня?

Мужчина зашевелил губами, зашептал что-то. В коридоре уже слышались топот и звук голосов. Тротт убрал ногу, присел, кривясь от боли, прислушался.

– Сдохни, – выдохнул воин и вцепился ему в горло. Макс, больше не сомневаясь, полоснул его лезвием по запястью, вторым ударом загнал оружие в сердце – и тут же развернулся, подхватил меч, метнулся к двери, быстро провернул ключ. Если его окружают в этой камере – точно конец. Выскочил в коридор – и наткнулся на первую группу воинов, спешащих на помощь хозяину.

Тело, дергающееся и истощенное, ударило болью и протестом, пока разум хладнокровно командовал, подстраивая его под опыт и рефлексы. Удар – и один из стражников падает с распоротым животом, второй – и хрипит противник слева, сползая по стене, третий – и слетает голова у последнего. Меч слишком легок, но не мешает идущему к своей свободе.

Когда весь выбор – либо тебя убьют, либо ты, – не до моральных терзаний.

Еще одна группа воинов – и снова короткая бойня, и виден дикий страх в глазах стражников, и кричат где-то у выхода: «Охтор! Охтор на свободе!» Он чувствует этот страх, питается им, и вот уже блесит вокруг первый щит – и выстроившиеся в ряд арбалетки зря расходуют запас, отступают с ужасом к лестнице, ведущей вверх.

– Остановись! – кричит кто-то из спустившихся по ступенькам бойцов. Эти посерьезнее – в броне, в шлемах, вооружены боевыми топорами, грамотно распределяются по пространству, чтобы не мешать друг другу, но двигаться им все равно будет тяжело. А их противник быстр, гораздо быстрее любого бойца. – Остановись, и мы сохраним тебе жизнь!

Макс криво улыбнулся, не прекращая движения. Идиотом он давно перестал быть.

С первым они сшибаются в двадцати шагах от лестницы – сил еще не хватает, чтобы просто раздвинуть толпу. Тяжелый стражник умел и опытен, но он еще не родился, когда его противник уже провел свой первый бой, – получает удар в грудь и падает замертво, истекая кровью. Но на его место сразу становится следующий. И следующий. И когда наконец лорд Тротт выходит из подземелья, там нет больше живых – только тишина, густой запах крови и треск факелов.

Человека с окровавленным мечом в руках, покрытого рубцами и свежими ожогами, в главном зале встречает остаток гарнизона твердыни – бойцов пятнадцать с копьями наперевес. Они боятся до жути, но все же окружают его и смыкают кольцо.

– Я хочу забрать броню и уйти, – говорит он, не глядя – слушая движение вокруг. Его легкая броня висит над гигантским камином, в котором можно запечь целого быка, а зал темный, холодный. Там же, за креслом хозяина замка, прибиты несколько пар черных крыльев с торчащими из срубов белыми костями, и раны под лопатками начинают ныть просто нестерпимо. Тоже трофеи. В этой проклятой земле и голова врага – трофей.

Солдаты двигаются ближе, еще ближе; сейчас поднимут его на острия, и плевать им, нужен он их повелителю или нет, – своя жизнь дороже. Он морщится, улавливая движение позади, шепчет два слова молитвы – и волной расходится от него леденящая сила: рассыпаются прахом наконечники копий, трухой становится дерево, расползается одежда. Макс разворачивается и с хрипом рубит наотмашь, по живому, пока противник деморализован и обезоружен, проскальзывает сквозь дрогнувший строй и разворачивается, готовый продолжать бой.

– Колдун, колдун, – бормочут мужчины с суеверным ужасом и отступают. А он, все еще прислушиваясь и постепенно укрепляя щит, подходит к камину, оценивает высоту.

– Снять, – приказывает негромко прижавшимся к стенам людям, – и я уйду.

Через десять минут из ворот твердыни в темную беззвездную ночь вышел человек с мечом в руках, одетый в доспех из вываренной кожи, покрытой черными пластинами. Никто не посмел выстрелить ему вслед.

Твердыня Аллипа была расположена на самой границе земель кнеса Волаши. Дальше шли редкие, низкорослые леса, затем – скалы Овилла. К этим скалам и направлялся тот, кто в другой жизни был профессором Максимилианом Троттом. Он шел, сколько хватало сил, на отдых забивался в какую-нибудь нору, откуда его не могла выковырять местная фауна и где не могла обнаружить погоня. То, что она будет, он не сомневался. Но у него была хорошая фора: пока гонец из оставленного гарнизона доберется до ближайшего замка, пока отправят всадников – есть шанс дойти.

Обрубленные культы крыльев дергало болью, тело просило взлететь – и не могло. Регенерирует, но сколько это займет времени?

Двоящаяся память подкидывала фрагменты того, как его ухитрились поймать: пропали женщины из поселения, они полетели на поиски и угодили в ловушку. Их накрыли несколькими сетями, оглушили. Попались как дети. Но он хотя бы жив, в отличие от соратников.

Наступало стальное утро второго дня, когда он увидел земляной вал на дороге. Пошел к нему, медленно, стараясь не делать резких движений.

– Кто? – раздался из-за укрепления резкий окрик.

– Охтор, – сказал он устало. И, оставляя своего дар-тени внизу, отпустил себя наверх, в

привычную нормальную жизнь.

* * *

Профессор Максимилиан Тротт проснулся вечером того же дня, что и уснул, в своей постели – в доме в инляндском лесу. Полежал немного, приходя в себя. Встал, умылся. И позвонил Мартину.

– Ты все-таки равнодушен ко мне, – засмеялся тот в трубку. Дико было слышать его такой обычный, дурачащийся голос. И очень захотелось увидеть нормального улыбающегося человека. – Что опять? Доставить тебе ужин?

– Ты же знаешь, что я параноик? – осведомился Тротт, поглядывая на часы.

– Ну... для меня это не новость, – фыркнул блакориец.

– Поставь мне щиты, Март. Неуютно я себя чувствую без них. Привык.

– Без проблем, – сообщил барон, посмеиваясь. – Могу и колыбельную спеть.

– Упаси боги, – с ужасом произнес Макс. – А вот еду можешь захватить. Не откажусь.

Мартин появился через полчаса – открыл Зеркало и несколько раз ходил туда-сюда, перетаскивая подносы с обильным ужином. Макс хмуро наблюдал за ним. Под лопатками зудело, и, хотя он совершенно точно знал, что вся боль осталась внизу, искушение протянуть руку и потрогать не пропадало.

– Все, – торжественно заявил барон, доставая из кармана пузатую бутылку. – Я готов к длительному пребыванию в твоём обществе, друг. Мой дворецкий теперь уверен, что у меня есть тайная любовница. Подслушивает, небось, под дверью. А там – тишина.

– Мне не наливай, – предупредил Тротт, глядя, как блакориец ловко откупоривает вино.

– Что, даже не лизнешь? – со слезливым сочувствием поинтересовался фон Съедентент, подгребая к себе бокал.

Природник покачал головой – вино полилось густой красной струей. Как кровь. Не окреп он настолько, чтобы справиться с ослаблением самоконтроля, который приносит алкоголь.

– Ты мне щиты поставь, прежде чем надерешься, – напомнил он и перевел взгляд на дымящихся аппетитным парком перепелов.

– Не бойсь, мой маленький, – гнусно хихикнул Мартин, отхлебнул из бокала, зажмурился блаженно, – папа защитит тебя от злого внешнего мира. Да и вообще, Макс, – добавил он серьезно, – что тебе со мной угрожает?

– И все же, – настойчиво попросил Тротт. – От физического и ментального воздействия, Март.

– Какой же ты зануда, – буркнул Мартин, отставляя бокал. Через несколько секунд рыжий маг поблескивал свеженькими, крепенькими щитами, которые постепенно приобретали прозрачность. – Теперь-то ты удовлетворен?

– Вполне, – инляндец подвигал плечами и заметно расслабился. Тут же и желудок напомнил о том, что нужно поесть что-то еще, кроме обычной порции глюкозы, и голова закружилась немного – от облегчения и слабости. – Расскажи мне что-нибудь, Март. Только не о бабах, умоляю.

– А о чем еще? – наигранно удивился блакориец, с аппетитом отправляя в рот ломтик белой рыбы.

– Например, почему ты сейчас дома, а не со своей принцессой.

– Она, увы, не моя, – спокойно ответил Мартин и сделал большой глоток вина.

Тротт поднял на него глаза, дернул губами, словно хотел что-то сказать, но промолчал. Ел неторопливо, спокойно, поднялся, сделал себе чаю; фон Съедентент пил и пил и тоже молчал. Очень неприятно молчал. И Макс сделал над собой усилие.

– Расскажешь? – спросил он.

Мартин запустил руку в черные волосы, покачал головой. И поделился все-таки:

– Что тут рассказывать, Малыш? Не любят меня женщины. Черт, как это жалко прозвучало, – хохотнул он невесело и снова налил вина. Он почти не ел.

– Ты нам все уши о своих любовницах прожужжал, – сдержанно напомнил Тротт. Он уже жалел, что спросил.

– Макс, – почти с жалостью произнес барон, – ты, конечно, почти уже заново девственник, но должен понимать, чем куча баб, перебивавших в моей постели, отличаются от женщин особенных.

– Как Вики? – поинтересовался инляндец, грея руки о чашку с чаем. – Почему ты так себя с ней ведешь, кстати?

– Вики, – мечтательно улыбнулся Мартин. – Вики... Малыш, ты помнишь, на что я потратил первую стипендию?

– Как не помнить, – сухо ответил его собеседник, – я потом семь лет с этих солдатиков пыль вытирал. Никогда не понимал, зачем тебе эти уродцы понадобились. Ты их в руки-то брал пару раз. А, нет, мы всадником пиво открывали, пока не отломали ноги у лошади.

Мартин фыркнул, снова выпил. Он будто и не пьянел.

– Ты же знаешь, как мы бедно жили, – проговорил он задумчиво. – Отец умер, мать тянула нас одна. Только и было, что имя. Имение заложено-перезаложено, землю продавали кусками. А напротив школы открыли игрушечный магазин, огромный, в три этажа. Я постоянно туда бегал, слюни пускал на игрушки. Особенно на этих солдатиков. Но рот не открывался у матери денег на них попросить. Уже лосем был, школу заканчивал, а все ходил и смотрел на них. И как получил живые деньги – купил. Выставил на полку, полюбовался пару вечеров, как на трофеи, и забыл. Понимаешь, о чем я?

– Нет, – честно ответил Тротт, немного даже порозовевший от сытной еды и горячего чая.

– Вики – это мечта, моя большая любовь, – коротко объяснил барон, оставив пространные аналогии, – и я, мой сушеный друг, очень боюсь, что, когда эта большая любовь попадет в мои пресыщенные лапы, она окажется очередным трофеем. Поэтому и достаю ее. Считаю, у меня диссонанс: мечта прекрасна на витрине, а не у тебя в коллекции. Не скажу, что я не хочу этого. Я имею в виду, Вики в свои лапы. Но она, увы, как и принцесса, предпочитает мне другого мужчину.

И он выразительно посмотрел на попивающего чай Макса.

– Я не собираюсь чувствовать себя виноватым из-за этого, – холодно ответил Тротт. – Мне она не нужна. Тем более что я прекрасно понимаю: Вики давно задалась целью меня излечить от смертельной болезни – равнодушия к противоположному полу. И увлеклась. Вы не понимаете, что женщины отнимают слишком много времени. А его у нас при всей нашей силе недостаточно.

– А разве они не заслуживают потраченного на них времени? – с неожиданным блеском в глазах, без своей обычной дурашливости спросил Март. – Скажи мне, Макс, разве нет?

Разве тебе никогда не хотелось впасть в банальную любовную лихорадку, друг? Ощутить остроту и неуверенность в себе? Мы ведь лишены этого, давно лишены. Все скучно и привычно. А любовь – это единственное, что в любом возрасте волнует, как в первый раз. Да?

– Нет, – уверенно ответил инляндец, и фон Съедентент глянул на него точно как на больного. Встал, подошел к окну, полюбовался на покачивающиеся ветвями зловещие деревья, что стояли вокруг дома природника.

– Бр-р-р, – сказал он уже прежним, смешливым тоном, – как ты здесь живешь? Я понимаю, зачем тебе щиты, Малыш. Я бы постоянно ждал, когда эти деревья заберутся в дом и сожрут меня.

– Хорошо живу, – улыбнулся жалеемый. – Мне вполне комфортно. Если я хочу компании, то всегда могу позвать тебя, бездельника, или Алекса.

В гостиной вдруг замерцала гладкая блестящая поверхность пространственного прохода, и к друзьям вышел Свидерский собственной персоной.

– Так я и думал, – сказал он одновременно весело и укоризненно, оглядывая заставленный стол и бутылки с вином.

– Только что о тебе говорили, – хохотнул Март от окна. – Эффектный выход, Данилыч.

– Что случилось? – спросил Тротт тихо, не обращая внимания на веселящегося блакорийца.

– Сейчас Виктория должна появиться, – проницательно заявил Алекс, усаживаясь рядом с Троттом. – Тогда и поговорим. Ну-ка, дай просканирую.

Макс поморщился – опять в его доме проходной двор, – но не стал протестовать и молча вытерпел покалывание и волны тепла от рук друга. Мартин сходил за бокалами, дополнительными тарелками, расставил приборы, как заправская домохозяйка.

– Силен, – довольно отметил Свидерский, отодвигаясь от природника. – Еще неделька, и будешь как новенький. Докачать тебе стихийные источники?

– Сами в норму придут, – проворчал Тротт. – Что за дело, Алекс? Опять безумные идеи по поимке демонов?

– Увы, нет, – невозмутимо ответил ректор МагУниверситета, наливая в бокал вина. Мартин плюхнулся в кресло напротив, потянул к себе перепелку. – Обычная научная рутина. Но должно быть интересно. И полезно. О, вот и Виктория.

Вышедшая из Зеркала Вики с удивлением оглядела приветствующих ее друзей, помахала какой-то бумажкой.

– Я, – сказала она недовольно, – как коза, проскакала по Зеркалам сначала из Инляндии в Рудлог, к тебе, Алекс, потом в Блакорию к Марту. А вы тут у меня под боком. И опять не позвали. Я обижусь и больше к вам не приду.

– Не сердись, Кусака, у нас импровизация, – сообщил Мартин. – Садись, угощу вином. Заодно расскажешь, что это вы с Алексом так переполошились.

– Тебя, между прочим, пока ты тут пьешь, в почтовом телепорте тоже приглашение ждет, – ядовито ответила черноволосая красавица, но на предложенный стул села, благосклонно улыбнулась Тротту и Свидерскому. – От МагСовета. У них что-то клюнуло, и завтра с утра собирают срочную международную конференцию по нежити. Ты пойдешь, Макс? – обратилась она к инлянцу, пока Мартин наливал ей вина. – Я могу сделать тебе приглашение.

Природник покачал головой.

– Потом мне расскажете кратко, в чем суть. Не люблю пустую болтовню, а на этих конференциях обычно действительно важной информации на пять минут разговора, а остальное – усыпляющий треп и споры. Не хочу бездарно тратить время. Поспать я и дома могу.

Он встал, чтобы налить себе еще чаю, и трое друзей с улыбками переглянулись.

– Выздоровливает. Скоро совсем как настоящий будет, – страшным шепотом произнес Март, и они захихикали, глядя на ровную спину рыжего зануды, иногда непонятного, но такого привычного и знакомого им.

Начало ноября, вторник, столица Йеллоувиня Пьентан

«Желтые, как всегда, все делают с размахом», – с иронией подумал Алекс Свидерский, выходя из Зеркала в указанном секторе обширного холла Дворца Собраний. Дворец был воистину монументален – йеллоувиньцы с особым трепетом относились к науке и считали, что гениальные головы заслуживают величественного обрамления.

И да, величественности вокруг было не занимать. Огромный приемный зал – своды, облицованные полупрозрачным, отполированным до блеска бело-желтым камнем, возносились высоко вверх. Под куполом мелодично пели птицы, порхая меж чудовищных колонн. По ним и по стенам, цепляясь за едва заметные щели между солнечными плитами облицовки, зеленым кружевом ползли выюнки. Сплетались наверху, покрывались изящными белыми цветами и опадали запахом свежескошенной травы и нежными лепестками, тающими на плечах и головах прибывающих.

Вокруг то и дело возникали пространственные переходы, и появлявшиеся оттуда маги быстро уходили, освобождая место для коллег, ожидавших возможности открыть Зеркало.

В одной из стен холла мерцали два крупных стационарных телепорта, арки которых были украшены кристаллами. Телепортами прибывали правительственные делегации и придворные маги. Алекс издалека увидел Викторину, сопровождающую премьера Инляндии, министра обороны и начальника службы безопасности, кивнул ей – Вики, как всегда, была необыкновенно хороша, даже когда изображала такой деловой вид.

Конференц-зал не уступал своими размерами холлу, и там было уже многолюдно и шумно. Туда гостей провожали улыбчивые, черноволосые и узкоглазые девушки, одетые в цветные шелковые национальные одежды и похожие на ярких бабочек или тропических птичек. Они щебетали тонкими голосами на всех языках с одинаковым ужасающим акцентом.

Под потолком плескала расходящимися кругами иллюзия водной поверхности. Над ней, заменяя светильники, плавали огромные сияющие белые лотосы. У светлой стены, украшенной тонкой вязью, которая складывалась в изображение огромных весов, расположилась полукруглая сцена с микрофонами, трибунами и креслами для докладчиков. От нее, как лепестки диковинного цветка, расходились сектора с креслами, за которыми начиналась широкая лестница, дугой обнимающая зал и ведущая на второй этаж.

Там, в комфортных ложах, размещались правительственные делегации: Алекс, перед тем как присесть на свое место в первых рядах, мельком увидел в красной ложе и премьера Минкена, и Тандаджи, и руководителей партий Совета, и рудложского министра обороны с генералами, и маячащего за их спинами своего одноклассника Кляйншвитцера, застенчиво отхлебывающего из блестящей фляжки.

Несмотря на обстановку, настраивающую на сухой и деловитый лад, шум становился громче, делаясь из ровного бурным и веселым. Гости здоровались, обнимались, махали друг другу, где-то уже спорили, перекрикивая оппонентов, смеялись и ругались. Свидерский оглядывал зал, выхватывая знакомые лица, кивал в ответ на приветствия. Сплошные сливки магического общества. Ректоры и деканы университетов, директора школ, руководители и сотрудники научно-магических исследовательских институтов, кураторы боевых групп,

частные лица, обвешанные званиями почище самого Алекса. Все они знали друг друга, и все спешили высказаться, пока не началась длительная и унылая официальная часть.

Маги вообще не очень организованны, а большие их скопления грозят взрывами эмоций. Точно будут и драки в перерывах, и вспыхнувшие романы. Шутка ли – столько мастеров по управлению стихиями в одном месте. Хотя Желтые прекрасно гасят большую часть возмущений – именно поэтому массовые встречи проходят на их территории. Но не всю, увы.

– Я сбежал от своих чинуш, – громко сообщил Мартин, плюхаясь в кресло рядом с Алексом. – Круто, да? – он потянул носом воздух и сверкнул глазами. – Пахнет хорошей дракой.

– Ты же теперь лицо Блакории, – насмешливо подколот его Алекс, – тебе по чину не положено.

– Это да, – уныло согласился Март. Но тут же встрепенулся, замер. Замерли все мужчины в зале, стих шум – перед сценой в полной тишине, направляясь к своей ложе, проходила делегация с Маль-Серены, возглавляемая дочерью царицы Иппоталии, царевной Антиопой. И вместе с ними прохладой и жаром пробегали по телам крошечные иголки возбуждения и небывалой нежности, как после первого поцелуя с любимой девушкой.

– Сенсуалистки – это что-то, – громко выдохнул фон Съедентент, и одна из серениток – кажется, глава разведуправления – обернулась, оценивающе посмотрела на него, шевельнула насмешливо полными губами и пошла дальше. Барон покраснел, осел в кресле. Алекс и сам пребывал в глупейшей прострации. Увы, будь ты хоть трижды крутейший маг, под влиянием старших аристократок из потомков Божественной Воды все равно превращаешься в пускающего слюни юнца. И никакие щиты не помогают.

– Все-таки хорошо, что таких мощных – единицы. И что они сидят на своем острове практически безвылазно, – произнес Свидерский негромко, провожая потемневшим взглядом невероятной красоты женщин со светлой, почти прозрачной в голубизну кожей, черными волосами и огромными серыми глазами. – Это же оружие массового поражения. Выстави такую между готовящимися к бою армиями – и войны не будет. Понимаю, почему мужики там из рук у них есть готовы.

– Угу, – сдавленно ответил Мартин. – Я вот что подумал, Данилыч. А если одну из этих богинь напустить на нашего Макса? Кто победит, как ты думаешь? Я ставлю на Малыша. Он и саму Синюю заморозит.

Серенитки не торопясь поднялись в свою ложу, и в зале стало полегче. Шум снова начал набирать обороты, меж рядов ходили экзотичные девушки-бабочки, предлагая бутилированную воду и усердно улыбаясь. Такого впечатления, как островные гости, они, конечно, не производили, но смотреть все равно было приятно. Одна из «бабочек» с поклоном подала Алексу бутылку, взмахнула ресницами, словно невзначай прихватила шелковый подол, демонстрируя стройные ножки. И маг поймал себя на мысли, что давно не был с женщиной, усмехнулся, вполне благосклонно глядя на тонкую фигурку. Стихийный хаос начинал действовать и на него.

Впрочем, местные девы были вполне отзывчивы и с пониманием относились к утомленным тяжестью полученной информации господам магам. И здешние мужчины, как ни странно, вовсе не считали это чем-то порочным. Во Дворце Собраний даже были оборудованы комнаты для отдыха, и периодически он начинал напоминать огромный бордель. Здесь, во владениях Желтого, ко всему относились с рациональностью. А что может быть рациональнее вливания свежей крови и улучшения породы? Особенно если полученные

в результате напряженного умственного труда дети в большинстве случаев наследовали способности одаренных отцов?

От веселых мыслей Свидерского отвлек хрустальный звон, прокатившийся по залу. Мартин, все еще впечатленный «богинями», сидел с отсутствующим видом. Над сценой развернулся огромный экран, стали подниматься и рассаживаться в креслах у экрана будущие докладчики. Гости утихали и поспешно опускались на свои места, а цветы-светильники меркли, пока помещение не погрузилось в полумрак. Освещенной осталась лишь сцена, на которую поднялся распорядитель – сухой желтокожий старичок с длинной узкой бородой, одетый в примелькавшийся уже шелковый халат.

– Почтенные гости наши, – хорошо поставленным голосом произнес он в микрофон, – мое сердце преисполнено радостью от того, что столько могущественных мужей и жен опять собрались под сей благословенной крышей. Пусть пребудет с каждым из вас благодать от Желтого нашего Господина. Мы здесь обсудим печальные новости, но будем помнить, что уныние не решает проблем и только знание способно справиться с несчастьями. И, чтобы не терять драгоценного времени, щедро отпущенного нам Небесными Покровителями, представлю вам первого докладчика. Черныш Данзан Оюнович почтил нас своим присутствием. Прошу вас, глубокоуважаемый Данзан-сэ.

На сцену поднялся подтянутый пожилой мужчина с хищным лицом и черными волосами, с едва заметной сединой на висках.

Зал встал в почтительном молчании. Черныш был легендой, одним из старейших и сильнейших магов мира, заставшим еще прадедушек тех, кто находился в зале. Уже и ученики его учеников умерли, а он все жил и занимался изучением Жизни и Смерти. Продолжительность жизни мага напрямую зависит от его личного могущества – а Черныш был очень силен. И приветствующее его магическое сообщество село только тогда, когда он, закончив раскладывать на трибуне бумаги, поднял голову, словно только заметил находящихся здесь людей, и сипло сказал в микрофон:

– Благодарю вас, уважаемые коллеги. Тронут, тронут. Садитесь, пожалуйста. Не будем тратить время на пустые церемонии.

– Может, и Алмазыч здесь? – тихо спросил Мартин у Алекса, когда они опустились обратно в кресла. Свидерский качнул головой.

– Я никого из старшей когорты больше не видел. Им не до этого.

– А Черныш чем занимается сейчас, не знаешь? – Они наблюдали, как на экране появляются диаграммы, цифры.

– Он нежить изучал всегда, – почти не разжимая губ, пробурчал ректор, – кажется, пытался жизнь искусственно создать, но о результатах не слышал. Плотно работает со стихиями Жизни и Смерти. Сейчас, кажется, ставит эксперименты на добровольцах – хочет вывести идеального человека. Защищенного от болезней и травм. Но у него все засекречено так, что все это только слухи.

[Купить полную версию книги](#)